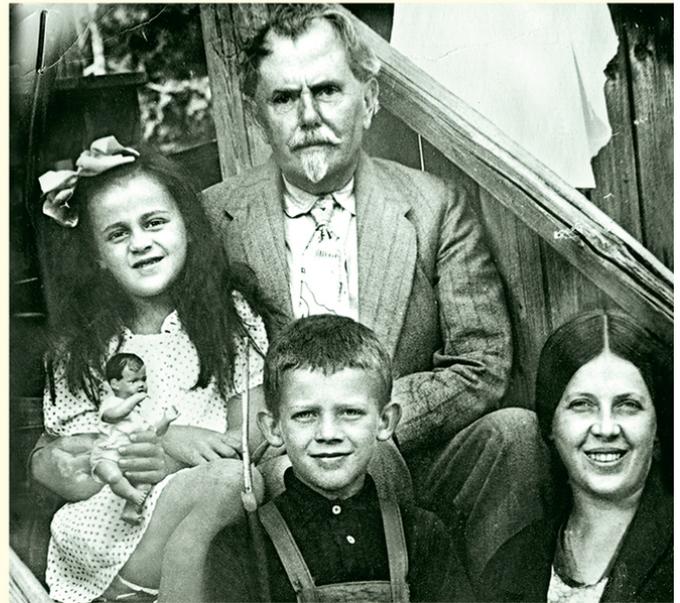

Здравствуй, бабушка! №24
Прочел в маминим письме
о твоей просьбе. Думаю, что
слова твои сбываются, и
желание твое будет
исполнено. Ты, бабушка,
тоже меня поминай
Будь здорова.

21 окт. 42
24-ое писмо.

Коля.

НИКОЛАЙ ПЕСТОВ

ЖИЗНЬ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

ВПЕРВЫЕ ПОЛНОСТЬЮ ПУБЛИКУЮТСЯ
ПИСЬМА КОЛИ ПЕСТОВА

«Я хочу стать
учеником своего
сына»

Здравствуй, Мам!
Я пишу тебе с ~~фронте~~ фронта
Наконец в 3-х километрах
от передовой. Сегодня получили
стрелковый взвод и оружие, а
завтра, наверное, пойдём в бой.
Надеюсь, буду писать ещё, а сейчас
много хлопот.
Передай всем мой привет.

25 авг. 43г.

Коля

Наследие семьи Пестовых и Соколовых

Николай Пестов

Жизнь для вечности

«Никея»

2016

УДК 82-31+82-6
ББК 84(2Рос=Рус) 6 + 86.372

Пестов Н. Е.

Жизнь для вечности / Н. Е. Пестов — «Никея»,
2016 — (Наследие семьи Пестовых и Соколовых)

ISBN 978-5-91761-535-6

«Жизнь для вечности» – это повесть отца о погибшем на войне девятнадцатилетнем сыне Коле, написанная богословом, писателем, профессором Николаем Евграфовичем Пестовым. Книга, основанная на дневниках и письмах, пользовалась огромной популярностью в самиздате, в постсоветское время неоднократно переиздавалась. Это – ценнейшее свидетельство не только о Коле и его близких, но и об эпохе, в которую они жили. Настоящее издание уникально: в нем кроме самой повести впервые опубликованы без купюр 136 писем Коли Пестова.

УДК 82-31+82-6
ББК 84(2Рос=Рус) 6 + 86.372

ISBN 978-5-91761-535-6

© Пестов Н. Е., 2016
© Никея, 2016

Содержание

Предисловие	6
Николай Пестов. Жизнь для вечности	8
От автора	8
Раннее детство[1]	10
Школьные годы	14
Школьное сочинение	25
Студенчество	29
В колхозе в начале военной службы	34
Первые месяцы в военной школе	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Евграфович Пестов

Жизнь для вечности

Посвящается будущим защитникам Отечества

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р16-520-0965

ВПЕРВЫЕ ПОЛНОСТЬЮ ПУБЛИКУЮТСЯ ПИСЬМА КОЛИ ПЕСТОВА

Предисловие

Скорбь, перешедшая в радость

Перед вами книга, которая уже не раз переиздавалась. В течение многих лет она перепечатывалась на пишущей машинке под копирку и подписывалась «ГБР» – «грешный Божий раб». В советские годы существовали запретные темы, книги на эти темы не могли выходить официально. Да и сама вера в Бога была гонима, а тех, кто дерзал о ней рассказывать, могла постигнуть суровая кара советского закона. Но были люди, во всем законопослушные, которые считали своим нравственным долгом перед Богом и людьми возвещать слово Божие и закон Божий ставили выше закона людского. Одним из таких замечательных исповедников веры был профессор, доктор химических наук Николай Евграфович Пестов – «грешный Божий раб», как он себя называл.

Книга «Жизнь для вечности» была самой первой из написанных Николаем Евграфовичем. Причиной ее появления стало трагическое событие – смерть горячо любимого сына Николая, погибшего в 1943 году на фронте в 19 лет в своем втором бою. Смерть сына Николай Евграфович переживал очень тяжело, но это скорбное событие стало началом целой цепочки событий радостных.

Книга о сыне и все последующие книги полны искренней, глубокой веры, Николай Евграфович писал их от чистого сердца. И потому, что сердце его было чистым, его книги привели к Богу и к Церкви многих людей, выросших в атеистическом государстве, воспитанных в семьях, где ничего не знали о Христе.

Николай Евграфович не дожил до того времени, когда его книги стали печатать в типографиях и издавать многотысячными тиражами. Но повествование о любимом сыне, который с верой жил и с верой отдал свою жизнь, чтобы жили другие, по-прежнему не может оставить читателя равнодушным, не может не призвать его задуматься о тех же глубоких вопросах, о которых размышлял этот замечательный юноша.

Это издание отличается от предыдущих тем, что состоит из двух частей. Первая – уже не раз издававшаяся книга «Жизнь для вечности», а вторая – это оригиналы писем Коли Пестова. Многие из них цитируются в книге Николая Евграфовича – но не все, и не всегда полностью. Эти письма – ценнейшее свидетельство не только о самом Коле и его близких, но и о времени, в которое они жили.

Письма открывают как бы два окна. Читая письмо, мы видим то, что видел его автор. А еще мы получаем возможность заглянуть в душу автора. Мы видим черты давно ушедшей эпохи, когда многое было иным. Иным был быт, ценности, иным было отношение людей друг к другу, иными были и сами люди. Жизнь была другая, в чем-то тяжелее, чем сейчас; не было привычного нам комфорта, но мелочи жизни не поглощали внимания, оно было обращено на настоящие ценности, те ценности, что «выше граней земных».

Бытовые детали, которыми полны письма, создают впечатление достоверности, эффект присутствия. Читая, ты можешь представить себе, что происходило в той далекой реальности. В письмах раскрывается глубокий внутренний мир человека, ищущего Бога, стремящегося жить по Его заповедям. Эти письма тем ценнее, что принадлежат совсем молодому человеку, вступившему на путь, ведущий в жизнь вечную. Решающие вехи на этом пути – вера и верность, поступки, возвышающие его над суетой и шумом обыденной жизни.

Обратим внимание на некоторые черты той далекой эпохи, о которых напоминают письма Коли Пестова. То, что почта просматривалась военной цензурой, все знали. Поэтому написать о том, что он просит помолиться великомученику и целителю Пантелеймону, Коля не мог – он просил «обратиться к врачу Пантелеймонову». Семья Пестовых жила неподалеку от Елохов-

ского собора, поэтому, когда Коле удавалось попасть в храм, он писал, что «пошел к Елоховым». Недреманное око НКВД обозначалось «посещением Анны Гавриловны». Этой нехитрой конспирации было достаточно, чтобы усыпить бдительность недалеких военных цензоров.

Как известно, самым сильным влиянием обладает личный пример. Письма Коли Пестова свидетельствуют о том, что можно сохранять человеческое достоинство в трудных обстоятельствах, можно тихо, скромно, незаметно совершать в повседневной жизни значительные, если не сказать героические поступки.

Вечная память воину Христову Николаю, жизнь свою за други своя на поле брани положившему, и родителю его, грешному рабу Божиему – Николаю Евграфовичу Пестову!

*Протоиерей Александр Ильяшенко,
настоятель храма Всемилошного Спаса бывшего Скорбященского монастыря г.
Москвы,
руководитель проекта «Непридуманные рассказы о войне»*

Николай Пестов. Жизнь для вечности

*От Тебя победа и от Тебя мудрость,
и Твоя слава, а я Твой раб.*
(2 Езд. 4:59)

От автора

Слава в вышних Богу...
(Лк. 2:14)

Кротость души – вот то, что украшает человека, делает его приятным и милым для всех окружающих. Обычно кротость соединяется с простотой и скромностью. А если к этому еще добавляется горячее, любящее сердце, то все это делает человека «солью земли», «свечой», которую ставят на подсвечнике, чтобы светить всем в доме (Мф. 5:13,15).

От Господа нам выпало счастье иметь сына, который отвечал этим качествам. Он рано созрел духовно и рано был взят Господом с земли. Он оставил нам образ девятнадцатилетнего юноши с кротким, любящим сердцем. В последний год его жизни им было написано большое количество писем, которые рисуют его нежную, простую, отзывчивую душу, полную готовности служить людям. Эти письма исполнены вместе с тем чисто христианской философии жизни с безропотным послушанием воле Господней и мудрой рассудительностью, редкой для девятнадцатилетнего возраста.

Есть обычай ставить памятники на дорогих сердцу могилах. Около нас нет могилы нашего сына – он похоронен далеко от нас, на поле боя, на братском кладбище. Пусть же будут памятником ему эти строки, в которых я хочу описать его образ, его жизнь и поступки, последние героические часы его жизни и передать основы его цельного, глубоко христианского мирозерцания.

Может быть, у некоторых иногда встают вопросы, как можно воплотить в жизнь заветы Христа в современной обстановке и как можно быть «мудрыми, как змии, и простыми, как голуби» (Мф. 10:16). Мне кажется, Колина жизнь дает ясный ответ на оба эти вопроса.

В основном содержание записанного нами относится к повседневному быту с его «мелочами жизни». Но не сумма ли «мелочей» составляет жизнь и не на «мелочах» ли мы более всего спотыкаемся? И не есть ли самое важное и великое – быть «верным в малом» (Мф. 25:21).

Моя доля в этом труде – скромная доля. Все основное принадлежит самому Коле – его письмам, сочинениям, дневникам и его поступкам, словам и мыслям. Мне нужно было лишь собрать все это и, выбрав все ценное и значимое, изложить в нужной последовательности.

По отношению ко всему собранному материалу я не остался в роли равнодушного летописца. Коля живет в моем сердце, и я не мог сдержаться от выражения тех чувств, которые переполняют его при мыслях о Коле.

Основной декорацией действия является полузамерзшая казарма; средой – современная молодежь в форме курсантов. Заключительные сцены – на фронте и поле боя. И на этом суровом фоне расцвели те нежные, благоухающие цветы движений сердца и мыслей Коли, которые наполняют душу той радостью, которую пробуждает в душе всякая красота.

Господь, как заботливый садовник, выращивает на земле духовные цветы – души людей, сумевших построить свою жизнь в согласии с Его вечной Истиной. Он любит эти Свои цветы и любит их. Но Он хочет, чтобы и все, кто умеет ценить красоту, любовались и радовались им.

Он позаботится и о том, чтобы и скромный цветочек из Его сада, нежная душа Колюши, не прошла в мире бесследно, но внесла и свою долю в сокровищницу красоты и радости. Господь взял Колю к Себе, но в его милом образе, в поступках и мыслях, в его мирозерцании остался духовный капитал вечных ценностей, которые не могут пропасть и будут служить людям. Его образ будет радовать людей красотой души, согревать их сердца и звать их идти тем же путем, которым шла его юная христианская душа.

Человек – пришелец на земле. По сравнению с вечностью жизнь на земле не больше мгновения. Поэтому жизнь в теле подобна мимолетному сну, а смерть тела есть пробуждение.

Благо тем, кто из этого мира унесет в вечность красоту души, отвергшей себя ради служения близким. К этому стремился Коля, чтобы получить то «сокровище неоскудевающее на небесах» (Лк. 12:33), которое обещано Христом за исполнение Его заповедей. Туда он ушел в ореоле юношеской чистоты, красоты подвига самозабвения и совершенной преданности воле Господней.

Лишь в вечности можно получить то истинное сокровище, которое никогда не отнимется и не умалится и перед которым ничто не значит все призрачное счастье этого мира.

Раннее детство¹

*На земле мир, в человеках благоволение.
(Лк. 2:14)*

Нашего первенца при крещении мы назвали Николаем в честь великого Святителя Николая Мирликийского. Но с раннего детства за ним сохранилось ласковое имя Колюша, и оно так гармонировало с его нежной душой, что сохранилось за ним до зрелого возраста (до последних дней его жизни).

Как замечено в жизни христианских семейств, черты характера святого, в честь которого называют ребенка, передаются последнему. Как будет видно из дальнейшего, это в полной мере имело место и для нашего Колюши.

Уже с первых месяцев жизни Колюшу отличала живость характера. Как заведенная автоматическая куколка, он беспрестанно подпрыгивал в руках у своей няни, молоденькой девушки. Иногда, за недосугом для матери и няни, Колюшу поручали нянчить мне. Я это делал лишь при одном условии: чтобы его предварительно запеленали с ручками, «как конфетку». Но обычно бойкий младенец умел быстро освободиться от пеленок. Тогда я скоро приходил в отчаяние от его быстрых и неожиданных движений и спешил сдать его обратно няне или требовал вновь наглухо запеленать его.

С младенческих лет Колюша рос очень здоровым ребенком и за всю свою жизнь не перенес ни одной тяжелой болезни (если не считать легко протекшей кори).

Впрочем, здесь надо упомянуть об одном исключении, которое вместе с тем раскрывает секрет здоровья ребенка. Начиная со дня крещения мы причащали

Колюшу Святых Таин очень часто, а в младенческие годы почти каждое воскресенье. Но когда Колюше было около полутора лет, мама уехала с ним на лето к бабушке на Электропередачу – в заводской поселок, расположенный среди торфяных болот. Там не было церкви, и причащение прекратилось. Через несколько недель по приезду Колюша захворал там желудком, и болезнь все более обострялась. Мы поспешили вернуться в Москву из неблагополучного места. Когда по возвращении Колюшу первый раз стали причащать, он испугался, стал биться в руках, отказываясь от причастия. Было так больно видеть, как ранее с такой готовностью причащавшийся младенец по нашей неосмотрительности перестал быть благодатным ребенком. Второй раз он уже с охотой принял причастие, а его болезнь прекратилась.

Когда у нас родилась Наташа, Колюше было около двух лет. К своей сестричке он проявлял большую нежность. Я вспоминаю следующую картину из семейной идиллии зимнего вечера того времени. Мы жили тогда в подвале, в квартире моей двоюродной сестры. Посреди комнаты стояла железная печурка. Колюша садился на низенький стульчик перед колыбелью Наташи и в такт хлопал своими ручонками, когда мы с мамой пели следующую незатейливую песенку:

Печку затопим в своей комнатке,
Сядет на стульчик сыночек Колюша,
Ручками хлопнет, и все мы втроем
Нашей Наташеньке песню споем.

¹ В первоначальной редакции наших воспоминаний о Коле главы «Раннее детство» не было. Она была написана позже по просьбе наших друзей, исходя из того, что на формирование характера и мирозерцания человека более всего влияют годы раннего детства.

Колюшина забота о ближних проявилась, когда ему еще не было трех лет. Мы жили на даче, где у хозяйки жила ее мать в возрасте ста трех лет. Колюша, очевидно, очень жалел немощную старушку. Мама наблюдала, как он бегал к ней, давал сахарку, а иногда, вынув что-то изо рта, говорил старушке: «На, пососи конфетку».

Наташа, Коля, Сережа. *Начало 30-х годов*

С раннего же детства Колюшу отличала и необычайная ласковость. Я помню, как трехлетним мальчиком, в избытке энергии, он бегал взад и вперед по комнате и, несколько утомившись, подбегал ко мне, сидящему на кровати, и, уткнув свою головку в мои колени, говорил: «Бегал, бегал и к папе прибежал», как мальчиком он подходил иногда ко мне и молча обнимал так крепко, как только мог.

Что особенно отличало Колюшу и делало его таким милым для всех, кто его знал, это его кротость характера. Когда дети в чем-либо были виноваты, то их воспитательница (она жила у нас до шестилетнего возраста Колюши) имела обыкновение наказывать их тем, что сажала на сундук. Помню, как-то я увидел Колюшу молча сидевшим на сундуке.

– Я обидел Наташу,

– Колюша, что ты сидишь здесь? и меня наказала тетя Варя, – кротко отвечал грустный Колюша и продолжал спокойно сидеть на сундуке, ожидая конца срока наказания.

Эта воспитательница научила детей говорить на немецком языке. Он настолько был ими освоен, что иногда во сне Колюша говорил уже не по-русски, а по-немецки. К сожалению, ей

не пришлось пробыть у нас долго, и легкость разговора на немецком языке была впоследствии детьми утрачена.

В Колюшу было заложено нежное сердце, отзывчивое к горю и страданиям окружающих. Я помню, как ребенком лет пяти он любил рассказывать о преподобном Серафиме по большой картине, на которой были изображены различные случаи из его жития. Когда он доходил до эпизода с избиением преподобного разбойниками, то останавливался, закрывая глаза ручкой, и говорил: «Не могу смотреть».

Жалостливость, которую мы старались привить детям, была вообще характерной чертой Колюши. Когда ему было около четырех лет, он очень любил стихотворение следующего содержания. Мальчик Ваня пришел из школы без книг. Мама спрашивает его:

– Ваня, где же твои книги?
– Я из школы их не взял.
Снова Ваня возвратился
И опять пришел без книг,
Сел тихонько в уголок
И головкою поник.
– Ваня, где же твои книги?
– Я вчера их потерял!
– Как же, мальчик?! Как же, Ваня?!
Что же, будет так и дале? —
Сердце маме лгать не может...

Ваня со слезами сознается, что он отдал свои книги бедному мальчику, который не мог их купить. Ваня просит его простить и говорит, что сам будет учить уроки по памяти.

Это стихотворение Колюша любил декламировать с мамой в лицах. Он садился в уголок с грустным личиком и затем бросался на шею к маме со словами: «Прости». «А потом что было?» – просил он у мамы ему подсказать дальнейшее. Очевидно, поступок Вани глубоко запал в сердце Колюши.

Уже с самого раннего возраста Колюша также очень любил подавать нищим. Отправляясь гулять со своей воспитательницей, он брал всегда с собой спичечную коробочку с медными деньгами. Зоркими глазками он искал по улице нищих. Если нищий встречался на другой стороне улицы, то он старался добиться разрешения перебежать через улицу, чтобы подать нищему. Когда дети гуляли по улицам, тетя Варя обычно брала за руки младших детей – Наташу и Сережу. Колюша, как старший (шести лет), шел впереди и обследовал безопасность дороги. Подходя к раскрытым воротам, он останавливался, заглядывал в них – не выезжает ли из них автомобиль, и потом говорил сзади идущим: «Можно идти».

Нежно любил Колюша и животных. Мне приходилось пробирать его за то, что он целовал своего котика в самую мордочку (как он называл, «моську») и брал его с собой в постель под одеяло. Следует упомянуть, что в нашей семье дети были приучены к ласке. Некоторые из наших знакомых считали неправильным наше отношение к детям, характеризовавшееся избытком нежности. Про нас говорили: «У Пестовых все время целуются» – и считали, что подобное воспитание детей вредно и прививает им излишнюю чувствительность.

Колюша никогда не позволял себе драться с товарищами. Когда ему было около шести лет, мы были с ним на рождественской елке у одних знакомых. У них был единственный сын – мальчик четырех лет, который воспитывался в одиночестве и не привык, чтобы кто-нибудь, кроме него, мог играть его игрушками. Мальчики были оставлены одни в детской. Несколько времени спустя Колюша пришел к нам в столовую с грустным видом и молча прижался к маме. «Что ты, Колюша?» – спросила она. «Совсем забил, мама!» – отвечал он со слезами на гла-

зах. Как выяснилось потом, четырехлетний хозяин не позволил ему брать ни одной игрушки. Кроткому Колюше оставалось лишь с грустью покинуть детскую...

Колюша был живым и подвижным мальчиком. Семи лет он начал учиться играть на рояле. Нелегко ему было сидеть спокойно и выигрывать скучные гаммы.

«Надо играть, голубок мой», – побуждала его мама возобновлять прерываемую игру. «Подожди, мамочка, – отвечал Колюша, – я только крылышками помахаю». Он соскакивал со стула и начинал бегать по комнате, размахивая руками, согнутыми в локтях наподобие крыльев. Так отдохнув, он возобновлял занятия.

Зоя Вениаминовна Пестова с Колей и Сережей

Я не помню случая, когда Колюша капризничал.

Плакал он лишь тогда, когда его обижали. Впрочем, в этом отношении было одно исключение. Колюша от природы имел очень нежную кожу и был чувствителен к горячей воде, поэтому, когда его мама мыла в ванне, дело нередко сопровождалось слезами. По мнению Колюши, его не мыли, а всегда «шпарили». Так же чувствителен он был и к прикосновению к его коже хотя бы несколько грубой шерстяной материи: от нее его тело покрывалось прыщами. «Как же это ты, Колюша, будешь служить в армии, ведь там тебе придется носить суконную шинель?» – заранее сокрушалась мама. Маленький Колюша успокаивал ее преждевременное беспокойство и говорил: «Не бойся, мамочка, я попрошу мне под ворот баечки подшить, скажу, что меня *синейка закоёя* (шинелька заколола)».

От первого весеннего солнышка лицо Колюши покрывалось веснушками. От жары и возбуждения оно сильно краснело. Беспокоясь о своем виде (когда, например, надо было идти в гости), он говорил: «Подождем, мамочка, пока сойдет с меня „индюшати́на“».

Школьные годы

*Все, что делаете, делайте от души,
как для Господа, а не для человекoв.
(Кол. 3:23)*

Восьми лет Колюша поступил сразу во второй класс школы, за первый класс он был подготовлен дома. Впрочем, это сказано не точно – его не готовили специально ко второму классу: как-то само собой вышло, что он к семи годам уже бегло читал, писал и хорошо считал, и в первом классе ему нечего было делать.

Колюша был одаренным мальчиком по своим умственным способностям – от Господа он получил полные десять талантов. Наука давалась ему легко, он учил ся как бы шутя: был всегда отличником и в конце года приносил награды и похвальные грамоты. Будучи в восьмом классе, он, как бы случайно, нашел неизвестные ему два варианта доказательства теоремы Пифагора; один из них пошел на школьную выставку как еще никем не открытый. Его сочинения читались всем в классе как образцовые. Учителя очень ценили Колю: его классная наставница в старших классах школы так и сказала о нем одной его однокласснице: «Мы еще услышим в будущем про Колю...» Когда мама справлялась у учителей об успехах и поведении Колюши в школе, то слышала такие ответы: «Что вы беспокоитесь? Он лучший из лучших. Откройте нам секрет вашей системы воспитания». Что могла мама ответить на последний вопрос, когда в основу всей системы нашего воспитания детей мы клали живую веру и учение Христа?

Но не умственные способности были тем главным талантом, который он получил от Господа. В нем, глубоко в сердце, была заложена искра христианской любви, горячее желание служить людям с готовностью на самопожертвование.

С бабушкой

Тридцатые годы были очень трудные. Все продукты получались по карточкам в мизерном количестве.

В столовой на окне стояли две коробочки, куда дети откладывали из своего пайка то кусочек сахара, то пряник, то конфетку. Эти запасы посылались по большим церковным празд-

никам в провинцию к бабушке и к одной монахини. «Это трудно, но это прекрасно», – говорил Колюша вычитанное им где-то выражение. Да, это было трудно для детей его возраста, выросших на ограниченном пайке.

С детства прочно укоренилось у Колюши и чувство долга. Когда ему было одиннадцать лет, он пришел к маме за советом, как добиться красивого почерка. Мама обещала ему за старание и красивые тетрадки купить шоколадку.

– Что ты, мама, – отвечал смущенный Колюша, – я и так обязан иметь отличные тетради.

Как-то раз я спросил его, когда ему было лет десять-одиннадцать:

– Колюша, не трудно ли тебе стоять так долго в церкви?

– Да, папа, – отвечал он, – но ведь так нужно.

Еще мальчиком лет двенадцати он удивил меня своим глубоким пониманием заветов Христа. На мой вопрос о причинах какого-то его поступка он ответил: «Господь велит быть всем слугою». Как будет видно из дальнейшего, этот завет Христа стал жизненным девизом Колюши и наполнил его жизнь впоследствии ценным содержанием. А будучи мальчиком, он всегда, без напоминаний, уступал в вагонах место старикам и детям.

Колюша имел очень живое выразительное лицо, на котором всегда можно было читать его чувства. Взор его голубых глаз был всегда ясен. Он просто и скромно держался и был несколько застенчив и робок. Как-то раз, уже будучи юношей, он получил упрек от сестры своего товарища по классу, что он «не умеет ухаживать» и что у него «не хватает нахальства». «Она не понимает, что скромность – это красота души», – с грустью сказал Колюша сестре, рассказывая этот случай.

Колюша имел мягкий характер, и его легко было уговорить. Я даже побаивался в этом отношении за его будущность. Однако, когда дело шло о совести и верности принципам, Колюша всегда находил в себе силы быть им верным. Так, его вера не позволяла ему быть пионером или комсомольцем. А на него, как на лучшего в классе, всегда давили в этом направлении. Однажды классная руководительница вызвала его, двенадцатилетнего мальчика, настойчиво уговаривала его вступить в пионеры и расспрашивала о причинах отказа. В этих случаях он обычно молчал.

– Как тебе было при этих уговорах? – спросила потом его мама.

– Так страшно, мамочка, было, что коленки у меня дрожали! – отвечал Колюша.

И всегда, несмотря на свою робость, он выходил победителем в подобных искушениях, хотя и знал, что его упорство в этом вредит ему в школе. Так, в одном из его писем бабушке (из старших классов) имеется такое упоминание: «Меня втягивали в комсомол, я выдержал диспут с комсоргом, и положение не изменилось. Окончить вторую четверть отличником мне не дадут, да мне и не надо, незачем. Прошлый учебный год я кончил отличником, а похвальную грамоту мне не дали».

Колюша в школе изучал немецкий язык. Будучи в шестом или седьмом классе, он стал брать у одной частной учительницы уроки английского языка. А когда он был в старших классах, он занимался с мамой и французским языком. Первый урок его по английскому языку начался не совсем обычным вступлением. Его учительница, старый человек, была несколько эксцентрична и предубежденно настроена по отношению к современной молодежи. Она неохотно дала согласие на занятия с Колюшей, считая его «дитёй своего времени». Когда он в первый раз пришел к ней и поздоровался, то произошел следующий диалог.

– Зачем пришел?

– Заниматься английским языком.

– А разве ты хочешь?

– Мне велит мама.

– Ты пионер?

– Нет.

– Врешь! «Отче наш» знаешь?

– Знаю.

– Читай.

Колюша спокойно и верно прочел «Отче наш».

– А «Верую» знаешь?

– Знаю.

– Читай.

Колюша так же спокойно прочел без ошибок и «Верую».

– Ну, садись заниматься.

Рассказывая эту сцену маме, старушка добавила, что она была сильно удивлена той кротостью и послушанием, которые увидела в Колюше. Та же старушка-учительница передала нам, уже после смерти Колюши, и еще один эпизод из времени их занятий. Однажды он пришел к ней, не выучив урока. Старушка была удивлена этим, так как обычно он был аккуратен и прилежен, и спросила о причине его небрежности. Колюша отвечал: «Вчера я читал житие преподобного Серафима, и мне трудно было заняться уроками. Я думаю, что я также буду монахом. Часто мне кажутся ненужными мои занятия, и мне трудно тогда учиться. Ведь вы тоже монахиня?» Старушка подтвердила последнее, но указала ему на несвоевременность всех этих мыслей, на то, что он еще слишком молод и что пока надо прилежно учиться. Колюша просил ее не передавать о его мыслях и настроениях нам, его родителям, что и было обещано ему. Так рано зародились в его сознании мысли о «суете сует» всего мирского, а сердце затосковало о приобщении к вечным ценностям и потусторонней красоте...

В дальнейшем мы увидим, что Колюша снова прилежно учился, но эти мысли и стремления впоследствии проявлялись в нем все сильнее и сильнее, по мере того как он все более знакомился с жизнью. Одно время Колюшины уроки английского языка для нас ничего не стоили, вместо оплаты он давал уроки математики племяннице учительницы. Это был первый Колюшин заработок. В это время ему было пятнадцать лет.

С детства в Колюше развивался опыт в борьбе со своим слабостями. Когда он был мальчиком лет десяти, у него появилась страсть: он стал собирать старые железнодорожные билеты. Живя на даче, он ходил по просекам, ведущим к станции, внимательно осматривал дорожку и собирал брошенные билетки. Затем он рассортировывал их по станциям и зонам и так накопил их целый мешок. Мама боялась заразы от грязных билетов и уговаривала Колюшу оставить это пустое занятие. И Колюша нашел в себе силу раз и навсегда победить свое пристрастие. Он сразу сжег все билеты в печке и более не обращал на них внимания. Описание этого случая сохранилось в нашей семейной детской стенной газете «Наше детство», издаваемой под девизом «Работай над собой» (№ 3 за 1934 год). Эту газету составляли дети и мама, а оформляли и разрисовывали сами дети. Там описывались поведение и успехи в учебе детей, семейные события, пожелания и советы детям, шутки, загадки и т. п. Заметка о Колюшиных билетках заканчивается словами: «Колюша понял, что нельзя ничему быть рабом. Он победил себя. Ура Колюше!»

У Колюши была способность чисто и красиво изготавливать из картона оригинальные детские игрушки. Он любил клеить миниатюрные и изящные автомобильчики и аэропланчики собственной конструкции, которыми снабжал рождественскую елку семьи и одаривал знакомых. Он оклеивал и собственного изобретения картонные автоматы, из которых выскакивали конфеты при опускании в них монеты. Автоматы были изящно отделаны, разрисованы красками и снабжены надписями. Он строил их разных размеров, начиная от миниатюрного, который можно было положить в карман, до большого, с четырьмя отделениями, из которых каждое выдавало особый сорт конфет.

Маме от детей

С последним из этих автоматов произошла курьезная история. Его выпросил себе, для показа своим родителям, один из живших в нашем дворе мальчиков, еврей. На следующий день он принес обратно автомат и вручил Колюше, кроме того, 1 руб. 20 коп. «Это мы с тобой заработали, – объяснил удивленному Коле честный мальчик. – Я вчера показывал автомат нашим гостям и заработал на нем 3 руб. 60 коп. Одну треть я взял себе, на другую треть мы купим конфет и заработаем еще, а это – твоя доля». После этого случая Колюше было запрещено вновь отдавать автомат, и организованное предприимчивым мальчиком акционерное общество по эксплуатации Колюшиных автоматов прекратило свое существование.

Что особенно отличало Колюшу в его ручной работе, так это ее тщательность и добросовестность. Как-то мама попросила его сделать ей чехол для швейной машины. Колюша стал собирать его из отдельных небольших кусочков тонкого картона, который склеивал в несколько слоев. Он работал над ним старательно изо дня в день, стараясь сделать его основательным и прочным, но так долго, что мне стало жаль его времени.

– Колюша, – спросил я его, – почему ты не сделаешь его попроще и побыстрее?

– Я не могу иначе, папа, – отвечал он.

Колюша тщательно обрабатывал и свои домашние сочинения. Одно из таких сочинений – «Слово о полку Игореве» – он подал учительнице переписанным печатными буквами в тетради, оформленной наподобие книжки. Это сочинение было снабжено иллюстрациями в красках, которые были выполнены по его просьбе его сестрой. И эта черта старательности и добросовестности была характерной для всех его работ, он не мог делать все кое-как и наспех, он «все делал хорошо» (Мк. 7:37), как в «большом», так и в «малом», и в этом был так же послушен заветам Христа.

Особенное старание, любовь и инициативу проявлял Колюша к тем рукоделиям, которые имели отношение к религии. Мне вспоминаются зимние вечера, которые проводили дети в моей комнате перед ужином. Я в это время читал им рассказы из Священного Писания, жития святых или другую подходящую для их возраста духовную литературу. Чтобы не было принужденной обстановки, дети могли в это время заниматься любимыми рукоделиями: вышивать, вырезать и клеить елочные игрушки, рисовать и т. п. Колюша в это время любил рисовать закладки для духовных книг с текстами из Священного Писания, делал изящные поплавочки к лампадкам и подставочки к иконам, склеивал и разрисовывал красками чехольчик к миниатюрному Евангелию и т. п. Все это он делал по своей инициативе, без всякой просьбы. На одной из таких закладок он нарисовал красками зеленые веточки и певчую птичку на них. Ниже он написал текст из Священного Писания, который он выбрал сам и который стал девизом его жизни: «От Тебя победа и от Тебя мудрость, и Твоя слава, а я Твой раб» (2 Езд. 4:59).

Мальчиком лет десяти-одиннадцати он захотел сделать подарок на мамины именины. Он знал ее любовь к преподобному Серафиму и решил списать для нее житие преподобного. Колюша сам склеил книжечку, разрисовал обложку цветной тушью и стал списывать житие печатными буквами, просиживая над ним часами. Видя, как много времени тратит мальчик на приготовление книжки, мы едва уговорили его подарить ее маме в не совсем оконченном виде. В начале книги он поставил «Том 1-й» и закончил словами: «Продолжение следует».

Как-то раз Колюша узнал, что мне нужна копия с одной брошюры. Он тотчас же предложил списать ее для меня.

У Колюши в детстве не было большой близости к товарищам по школе, и они к нам почти не ходили, так как были далеки от духа нашей семьи; мы всегда заботились о том, чтобы на детей не было дурного влияния со стороны сверстников. Только в последних классах школы у Колюши появилось более тесное общение с одноклассниками, и они стали заходить к нему домой. Но с самого раннего детства Колюша, как и другие наши дети, имел тесное общение с детьми наших друзей и знакомых из круга верующих.

Насколько только было возможно, мы охраняли детей и от влияния не подходящей для них литературы. Мы достигали этого тем, что сами старательно искали нужную нам хорошую детскую литературу, составляя из нее свою семейную библиотеку, и брали на время хорошие книги у знакомых. Колюша с раннего детства много читал: к десяти-одиннадцати годам он прочел, например, чуть ли не всего Жюль Верна. В юношеском возрасте, естественно, дети сами стали выбирать себе книги для чтения. Но следует отметить, что к этому времени у Колюши уже сложился вкус к хорошей литературе. И хотя он читал и такие книги, как «Три мушкетера» Дюма, но сам не советовал их читать сестре, когда та спрашивала его мнения.

Как и к книгам, мы с большим разбором относились к постановкам, на которые дети ходили в театр. Бывали они там нечасто: два-три раза в год. Вряд ли многим больше они бывали в кино. Дети редко ходили «в гости». Мы предпочитали детей наших друзей приглашать к себе.

Каждое лето дети проводили на даче или в деревне под Москвой. Здесь Колюша много времени посвящал деревенским малышам: он любил играть с ними, катал их на своем велосипеде, забавлял и т. д.

Колюша всегда был активным участником всех традиционных обычаев нашей семьи. Зимой, обычно 7 или 8 января, у нас торжественно справлялась Рождественская елка. Она была у нас неизменно и в те годы, когда это считалось предосудительным. На этот вечер нами приглашалась многочисленная детвора из круга наших друзей и знакомых. На елке Колюша (как и другие из наших детей) выступал с декламацией стихов, обычно на рождественские темы.

Насколько было возможно, в семье отмечались большие церковные праздники, в согласии с традициями русского народа. На Пасху дети сами красили яйца, на Благовещение выпускали на волю из клеток птичек, на Троицу украшали комнаты березками и цветами и т. п.

«Дети жили дружно и ссорились редко». Сережа, Наташа, Коля

Дети жили дружно и ссорились редко. Когда же это случалось, то дело нами внимательно разбиралось и виновный должен был непременно просить прощения у обиженного. Мы вообще прилагали усилия к тому, чтобы такие слова, как «прости», «спасибо» и «пожалуйста», сходили как можно легче и чаще с детского языка. Примирение детей заканчивалось всегда обязательным для них взаимным поцелуем. Категорически запрещены были детям какие бы то ни было бранные слова. Я не помню случая, чтобы кто-либо из детей когда-либо произнес слово «дурак». В их детском лексиконе разрешалось не более чем слово «чудак».

Особая нежность в отношениях была между Колюшей и Наташей. Когда Колюша пришел в первый раз из школы, мама спросила его:

- Ну, что ты делал в школе?
- Бегал по коридорам и смотрел на девочек.
- Ну, что же, понравились ли они тебе?
- Нет, мамочка, я не нашел там лучше нашей Наташи.

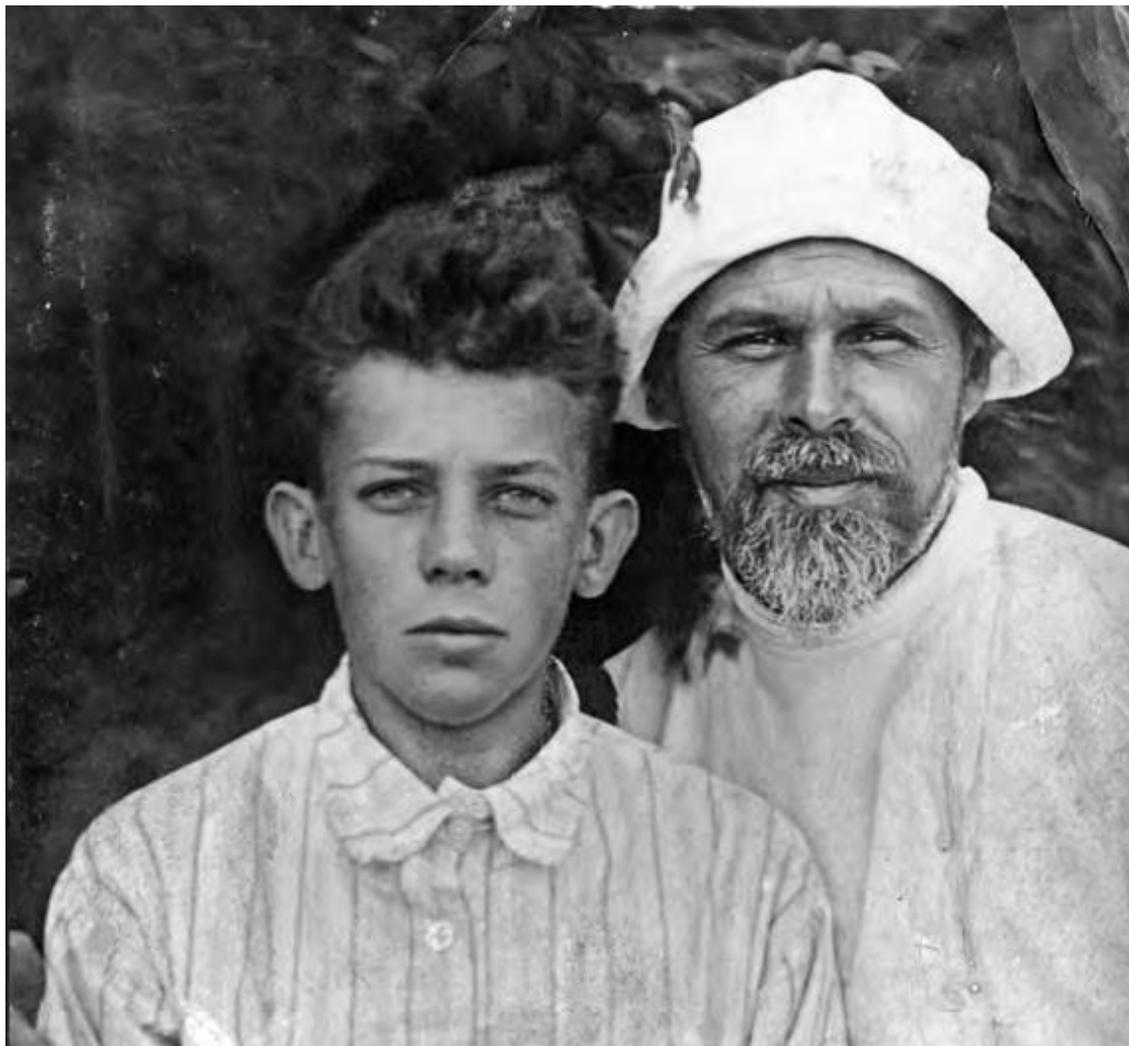
В школе тогда поили детей чаем с конфетами. Последние Колюша приносил домой и оделял ими Наташу и Сережу. На вопрос мамы: «Почему ты не ешь их сам?» – восьмилетний Колюша отвечал: «Надо же и малышкой побаловать».

Часто игры детей принимали общий характер: так, когда в Москве проводилась паспортизация, всем Наташиным куклам и Сережиним зверям Колюша написал «паспорта». При этом внимательно разбиралось, какие у кукол и зверей были «дедушки» и «бабушки», подозрительные куклы и звери паспортов не получали, а отправлялись под кровати, безногие и калеки получали бессрочные паспорта и т. п.

В доме мы никогда не имели игральных карт. Детям внушалось к ним брезгливое и боязливое отношение, как к предмету, от которого в мире было много зла. Дети хорошо помнили мои рассказы о том, как знакомые мне люди кончали самоубийством из-за карточных долгов.

Я не могу сказать, чтобы мальчиком Колюша проявлял какое-то особое усердие к религии, но он всегда охотно слушал духовное чтение по вечерам и не скучал от длинных молитвенных правил. На эти правила (вечерние и утренние) семья становилась вместе, и молитвы читались поочередно кем-либо из детей.

Как и другие из наших детей, Колюша перед праздниками ходил ко всенощной и утром к Литургии, причащаясь обычно не реже одного раза в месяц. Но если в детстве он делал все это из послушания (хотя и охотно), то юношей он глубоко стал понимать секрет успеха во всех жизненных делах и стал усиленно молиться и искать помощи у Бога, когда в этом чувствовал нужду. Больше всего он любил читать акафист своему Ангелу – Святителю Николаю – и знал его наизусть. Как правило, он прочитывал его перед каждым из своих экзаменов. К молитве он относился очень серьезно: между прочим, он не допускал небрежности в одежде, когда стоял на молитве.

Колюша с папой

Будучи юношей, когда его звали молиться, он надевал на себя обувь, пояс и приводил в порядок свой костюм. Из повседневных молитв Колюшину сердцу особо близки были «Царю Небесный» и кондак Богородице «Взбранной Воеводе победительная...». Он никогда не уходил с праздничного всенощного бдения, не выслушав этого песнопения, которое он называл «гимном Богоматери». Он не любил вычурного хорового пения и очень ценил общее пение, всю церковь.

Когда мне было сорок семь лет, я захворал скарлатиной и был отвезен в больницу. По своей инициативе дети с этого дня стали читать акафисты. Они читали по очереди каждый день один из акафистов – Святителю Николаю, целителю Пантелеймону, преподобному Сергию и преподобному Серафиму, в дополнение к вечернему правилу. Последнее занимало двенадцать – пятнадцать минут, затем требовалось около двадцати минут для акафиста. Таким образом, вечерняя молитва стала занимать ежедневно не менее получаса. Когда я стал поправляться, а с молитвой запаздывали или все были очень усталыми, то возбуждался вопрос о сокращении правила. В этих случаях Колюша всегда протестовал и требовал точного выполнения взятого на себя обязательства. И чтение акафистов прекратилось лишь с того вечера, когда я был снова дома. Так было прочтено около сорока акафистов.

Колюша всегда исполнял все просьбы и старался услужить каждому, в чем только мог. Мама его вспоминает такой случай из времени, когда он был в старших классах школы. «Нас

убедительно просили одни знакомые (не очень к нам близкие) посетить их. Я не сочла возможным отказаться. Но когда стала собираться идти к ним, меня не захотели сопровождать туда ни муж, ни дочь. Видя мое огорчение, Колюша сразу согласился идти со мной. Он сам выгладил брюки, надел чистую рубашку и вычистил ботинки. Его поведение в гостях удивило меня. Он так мило и любезно держал себя в гостях, что хозяйка сказала мне наедине при прощании:

– Как хорошо он воспитан, какая прекрасная у него душа – он просто весь светится...

Дома, когда я похвалила его поведение в гостях, он сказал мне:

– Вот видишь, мамочка, ведь я умею себя вести. Не думай, что я не воспитан, я все понимаю и не осрамлюсь».

Были ли недостатки у Колюши? Конечно, были. Мальчиком он работал с усердием и любовью, когда дело его интересовало. Когда этого не было, нужно было несколько побуждать его оставить игры и приступить к занятиям. Бывало также, что он забывал исполнять поручения и иногда был излишне болтлив. При живости характера он иногда бывал нетерпелив. Так, он всегда выражал недовольство горячими блюдами. Как-то раз, сидя за обедом, он стукнул кулаком по столу и воскликнул, делая ударение на первом слове: «Опять каша горячая!» За это ему, конечно, досталось. С тех пор над ним часто подшучивали, когда кушанье нельзя было есть сразу: «Что, Колюша, опять каша горячая?» В другой раз ему сильно досталось за стеклянный шприц, который он сломал, побежав с ним за забежавшей в квартиру чужой кошкой, чтобы полить ее водой из шприца. Но я не помню за ним ни одного *случая* злобы, сухости или черствости сердца, невнимания к нужде ближних или знакомых. Я замечал в нем иногда и чувство гнева, но это было лишь в тех случаях, когда он видел несправедливость или обиду кого-либо из близких.

Когда случалось делать ему замечание за излишнюю резвость или забывчивость, то обычно Колюша сразу же просил прощения и молчал, когда слушал выговор. Я помню случай, когда в запальчивости я назвал его обидным именем за неисполнение какого-то поручения. Почувствовав затем свою несправедливость, я сказал ему:

– Колюша, я сожалею, что назвал тебя так обидно.

– Не беспокойся, папочка, – ответил он и посмотрел на меня таким ясным взором, в котором я мог прочесть полное примирение души: его любовь покрывала всегда все обиды и не позволяла гнездиться в сердце злопамятности.

Была еще одна черта, типичная для характера Колюши в юности. Это презрительное отношение к деньгам. Тщательный и аккуратный в работе, по отношению к деньгам Колюша проявлял какую-то подчеркнутую небрежность. Когда он брал на расходы деньги, он рассовывал их по карманам, и там они превращались в грязные комочки, которые вылетали с носовым платком или вытряхивались при ревизии карманов перед стиркою брюк. «Вот баракло-то», – говорил Колюша, когда смотрел на это неожиданно для него появившееся неприглядное содержание его карманов. Я укорял его за эту небрежность, но не мог привить ему уважение к деньгам. Следует заметить, что подобная небрежность являлась следствием основной черты его характера – пренебрежения материальными ценностями. Они никогда не занимали его сердца и его внимания, и с чем ему не приходилось бороться в себе, так это со «сребролюбием» в широком понимании этого слова.

Та же черта характера проявлялась у него и в отношении сладостей, которые он, будучи мальчиком, получал в день своего Ангела, на большие праздники и т. п. Он всегда щедро угощал ими близких и не умел беречь их. Зная свою слабость невоздержания при избытке сладостей, он часто отдавал их сестре с просьбой: «Спрячь, Тяпик, а то я все съем».

Никогда в Колюше нельзя было заметить хотя бы оттенка лукавства, лжи или лицемерия. Прямота, искренность и абсолютная правдивость были его отличительными чертами.

Колюша живо воспринимал жизнь и сильно реагировал на ее явления. Наташа помнит такой случай из их детской жизни. Когда дети стали подрастать, решили для порядка разделить

между ними их детскую библиотеку. Некоторые книги делили по жребью. Из числа разыгранных книг «Последние дни Помпеи» достались Сереже, а «На заре христианства» – Наташе. Эти книги очень ценил Колюша, и Наташа заметила его огорчение. Она решила уступить Колюше свою книгу и уговорила то же сделать со своей и Сережу. Когда Колюше было это сказано, он так был рад, что бросился целовать и брата, и сестру.

В другом случае – по окончании седьмого класса школы – ему подарили фотоаппарат. На следующий день после получения подарка он так рассказал о своем пробуждении в это утро. «Просыпаюсь я и задаю себе вопрос – кто я? Соображаю и вспоминаю... я владелец фотографического аппарата!..» Так ярко переживало горячее сердце Колюши события детской и юношеской жизни.

Когда Колюша стал юношей, мы прозвали его «нашим соловушкой» за его веселость и жизнерадостность. Он как бы летал над землей, не замечал ее тягостей, не зная ни горя, ни больших забот, ни тяжелых болезней. Господь хранил его от всего этого до последнего года его жизни.

Колюша обычно был душой детских игр. Никто так быстро не бегал и не «выручал» так искусно, как он. Здесь, как и во всей его жизни, сказывалась горячность его природы, его свойство вкладывать все свое сердце и отдавать всю свою энергию в то дело (или в детстве – в игру), которым он занимался. После него остался среди прочего «Учебник для игры в слова», составленный им, когда ему было двенадцать лет. «Учебник» написан очень обстоятельно: в отдельной книжечке, печатными буквами, с детальными объяснениями правил игры, примерами, пояснениями и т. п.

Когда он окончил среднюю школу, в нем сохранялись еще в значительной степени детские интересы. Так, например, он с увлечением играл с товарищами и братом Сережей (который был на четыре года моложе его) в различные детские игры. Они устанавливали на одном конце комнаты множество самодельных танков (из картона и бумаги), аэропланов, пушек, шахматных фигур и т. п., в другом они помещались сами и из резиновых рогаток бумажными пулями расстреливали «неприятельскую технику», приходя в восторг от удачных выстрелов. «Ах ты, студент, студент!» – шутила мама, глядя на играющего с увлечением сына.

Колюша хорошо играл в шахматы, но никогда не увлекался ими. Он был очень подвижен, любил сыграть на пианино веселый «вальсишко». Он очень любил Ростана, а пьесу «Сирано де Бержерак» знал чуть ли не наизусть.

Мне вспоминаются его две любимые поговорки, которые хорошо отвечали его характеру этого времени. Когда случалось что-либо не совсем для него приятное и ему рассказывали о том, то он отвечал шутливо: «Ну и пусть». Это гармонировало с его всегдашней покорностью Провидению и легкостью отношения к неприятностям жизни. Когда же ему сообщали что-либо приятное, он восклицал: «А я и рад!»

«Колюша хорошо играл в шахматы...»

Своих брата и сестру он любил называть шутивными именами: «Мосинька», «Тяпсинькие», «Тяпик» и др. Вот как расшифровывается происхождение этих шутивных названий. Как упоминалось выше, Колюша очень любил нашу кошку, но у него была своеобразная манера ласки, вернее, шутивная привычка. Увидав кошку, он подбегал к ней и, растопырив пальцы, быстро брал в ладонь всю голову кошки со словами: «Тяп за моську!» Кошка от неожиданности пятилась назад. После «тяпа» он тут же гладил и целовал кошку, чтобы загладить свою шутку.

Товарищи любили Колюшу за его неизменную готовность помочь им в учебных делах. Обладая прекрасными способностями и знанием предмета, он вместе с тем умел ясно и просто объяснить уроки. У товарищей по школе он получил прозвище «Профессор». Многие из товарищей Колюши просили его проверить их сочинения, дать списать решенную задачу и т. п. Колюша, при своей чуткости совести, не так просто относился к возможности оказывать такую помощь. Но в конце концов он нашел выход из внутреннего противоречия. На страницах его ученического дневника за десятый класс (к сожалению, очень немногих) имеется следующая запись:

«Я чувствовал, что поступаю нечестно, проверяя сочинение Петру Р., но все же проверял добросовестно. Раньше, когда меня просили дать списать домашнее задание, я отказывал, оправдывая это про себя нечестностью поступка. Но однажды мне пришла в голову мысль, что я обманываю самого себя и что я делаю это вовсе не ради чистоты совести, а ради тщеславия. И когда Андрей Алексеевич (учитель) спросит: „Кто решил задачу?“ – то оказывается один Пестов. И чтобы не развивать в себе тщеславия и гордости, я решил давать списывать задачи, по возможности сопровождая их объяснениями. Но объяснять Петру его ошибки было просто невыносимо. Они были настолько оригинальны, что не подходили ни под одно правило грамматики. Ну как объяснить, почему „перед ним“ надо писать отдельно, а не вместе? Кроме того, его ошибки были настолько неожиданны, что их очень легко можно было пропустить, несмотря на их грубость. Слово „дерево“ пишется так просто, что тут и умышленно трудно сделать ошибку. Но Петр на протяжении трех лет писал „дерево“. Только натренированная в подобных делах Елизавета Матвеевна (учительница) могла бороться с такой виртуозностью. И вот, когда она вернула Петру его сочинение, под ним жирными крас-

ными буквами было написано: „5 ошибок, плохо“. Петр знал, что я исправил ошибок раз в десять больше, чем оставил, и все-таки в его тоне звучала обида, когда он сказал мне: „Что ж ты, Николай?“».

Следует упомянуть, что однажды Колюша выполнил для своей одноклассницы графическое задание, просидев над ним до трех часов ночи. Зная, что мы будем недовольны такой поздней работой, он лег в постель одетым и притворился спящим. Когда все заснули, после 12 часов ночи, он встал и лег лишь тогда, когда работа была выполнена.

Присутствие на ученических вечерах, естественно, вызывало у Колюши желание принять участие в танцах. Но для него этот вопрос не решался так просто, как для его товарищей, и он не считал нужным серьезно учиться танцевать. Вот какая запись имеется в его дневнике:

«На всех вечерах моя карьера на паркете оканчивалась самым печальным образом. Я танцевал очень плохо и, кроме того, неумел (да и не хотел) во время танцев поддерживать разговор с барышней. Я даже обрывал ее, когда она начинала говорить. Очевидно, это обуславливалось необходимостью следить за своими движениями. И вот после пары кругов я получал пару отказов и, уходя домой, обещал себе больше не танцевать. Я ничуть не обижался, даже гордился перед самим собой, что порывал с таким „ярким выражением пошлости современного общества“...ак я „бросал“...нцевать пять раз. Последний раз я бросил танцевать в апреле и упорно „продержался“... самого выпускного вечера».

Будучи в предпоследнем классе школы, Колюша, без всякого давления с нашей стороны, поступил на заочные курсы немецкого языка. Он усердно занимался на них и в два года выполнил трех годичную программу обучения и дополнительный курс для получения звания переводчика.

Школьное сочинение

*Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.
(Мф. 10:16)*

Оканчивая десятый класс, Колюша по заданию школы написал сочинение «Памятный день в моей жизни», касающееся нашей семейной хроники. Это сочинение написано живым языком и характеризует остроумие и наблюдательность Колюши. Оно не лишено вместе с тем и здоровой философии. Все это делает интересной эту работу Колюши, которому тогда только что исполнилось семнадцать лет.

«Памятный день в моей жизни.

Трудно написать сочинение, а найти тему еще труднее. Я в двадцатый раз обмакнул перо в чернила и, поглядев на совершенно чистую первую страницу тетради, понял, что надо спать. Из трех тем, данных для сочинения, я не мог выбрать ни одной. „Мой любимый писатель“? – Это Эдмон Ростан², которого сейчас забыли. Начнешь им восхищаться, а он вдруг и окажется по одним сведениям романтиком, а по другим – реакционером.

„Памятные события в моей жизни“. Таких со мной как будто бы не было. Я никого не спасал, и меня не приходилось спасать ни из воды, ни из огня, разве только из неловкого положения у доски. О Москве тоже писать нечего, потому что...

Я уже засыпал, и мысли начинали путаться. Перед глазами мелькали события последних дней. Чей-то голос говорит: „А тему вы выбрали очень удачную!“ Я сразу пришел в себя: „Какую тему? Кто это говорит? Ах, да. Это академик-орденоносец К-в. Вспомнил. Событие как будто бы памятное. Спасибо К-ву, ведь это же тема для сочинения“. Я сейчас же вскочил, оделся и принялся писать. И к утру сочинение было готово.

То событие, которое я опишу, было долгожданным, а потому и памятным. Папе предстояло выступить в Академии наук с защитой докторской диссертации.

Это слово повторялось у нас уже два года, и вот наконец наступило желанное утро.

² Из сочинений Ростана героем у Колюши был Сирано де Бержерак, вероятно, потому, что главной чертой последнего было самопожертвование в соединении с неизменной жизнерадостностью.

Коля Пестов в школьные годы

Мама приготовила мне отглаженные брюки и впервые накрахмаленный воротничок. „Плоховат костюмчик, – сокрушалась она, – вот на первую прибавку справим“. Я знаю, что она мечтает о той прибавке к жалованью, которая ожидалась после защиты диссертации. Я не возражал против этого резонного замечания, хотя знал, что того, что мама собирается сделать на первую прибавку, хватило бы на целую пятилетку.

Наконец мы едем. Я нагружен чемоданами с папиными „трудами“ за двадцать лет и канцелярской бухгалтерией по этому делу за два года; мама – свертком чертежей и диаграмм. Мама говорит, что в этих трудах и чертежах половина ее жизни, и если их сейчас украдут, то...

Она не договаривает, но я соображаю, что мне придется остаться без костюма.

Мы доехали благополучно, прибыв в Академию наук без потерь, и это был мой первый шанс на костюм. И вот я уже в зале заседаний развешиваю чертежи один под другим, чтобы в течение доклада постепенно снимать их. Мама разложила на столе папины „труды“ и выводит на доске формулы крупными, жирными буквами. Неужели кто-нибудь может сделать это для папы лучше, чем мама?

После двух звонков зал стал заполняться научными работниками. За столом рассуживались члены ученого совета Академии наук. Здесь были и старики, и пожилые, но молодых не было. У нескольких человек в петлицах поблескивали ордена. Наконец раздался звон колокольчика и председатель совета с опозданием на четверть часа объявил, что заседание ученого совета Академии наук считается открытым. На повестке дня защита диссертации профессора Пестова на тему „Физико-химические свойства солей и их определения“...я при-

суждения степени доктора химических наук и диссертации тов. Ч-вой на тему „Физико-химические свойства боратов“...соискание степени кандидата химических наук.

К моему сожалению, вместо папиного доклада началась заседательская канитель. Из тридцати трех членов совета присутствовал двадцать один человек, а надо не менее двух третей состава. Из-за одного человека срывалось заседание. Одни предлагали его отложить, другие – продолжить. Минут пять спорили, утвердит ли президиум Академии наук постановление совета, в котором не хватает одного человека. Вдруг является один опоздавший. Общее недовольство, но у него оказываются уважительные причины. После этого приступили к делу. Зачитали папину биографию, характеристику с места работы. Наконец докладчик получает слово.

Из всего доклада я уловил только начало – практическое значение работы, а исследования и результаты оказались для меня слишком крепким „гранитом науки“... занялся тем, что стал следить за поведением членов совета и аудиторши. В первом ряду сидел какой-то полковник, все время записывая что-то в блокноте, списывая с доски формулы, срисовывая диаграммы и чертежи. Тем временем наступает момент, когда мне надо снять с доски чертежи. Я не решаюсь на это, – может быть, они еще нужны папе, хотя он о них уже говорил. Но вот папа сам начинает снимать чертежи, меня охватывает раскаяние в своей робости.

„Идти или не идти помочь папе?“ Один чертеж падает с доски. В тот же момент я срываюсь со своего места в первом ряду и вскакиваю на сцену. Я быстро и нервно снимаю чертежи, так как чувствую на себе взгляды сотен людей, удивляющихся моему внезапному появлению. Второй раз мой выход на сцену уже не был сенсацией.

Папин доклад длился час, потом начались прения. Секретарь зачитал отзыв академика К-ва, не присутствовавшего на заседании. К-в дал блестящий отзыв. Он очень много говорил о работах папы, широко известных как советским, так и иностранным специалистам, о значении исследовательского таланта, о своеобразных и оригинальных, совершенно новых методах анализа и исследований, открытых папой. Папа предстал в моем воображении гением, человеком, открывающим новые пути развития науки и техники.

Я задумался и опомнился лишь тогда, когда секретарь прочел, что работа профессора Пестова имеет косвенное значение и для производства взрывчатых веществ. Я оглянулся на полковника, который все еще что-то писал. „Вон как, – подумал я, – даже военное значение... Это, пожалуй, самое важное и значительное в наше время“...тзыв К-ва кончился. Другой оппонент читал свой отзыв, потом третий. Оба они были папиными сослуживцами, были его ближайшими друзьями, но, поскольку в их обязанности входит критика, то они, наряду с достоинствами, отмечали и недостатки работы. Тут неясность, там недоработка, здесь противоречие закону Генри, вывод не совпадает с „общепринятой установкой“...т. д. Но все три отзыва кончались одной фразой: „Считаю профессора Пестова вполне заслуживающим звания доктора химических наук“.

Начались высказывания членов совета. Казалось, каждый из них считает своим долгом высказаться, иначе могут подумать, что он ничего не понимает. Опять начались формальные придирки. Один профессор заметил что-то о сложности выведенной формулы.

По окончании прений папе предоставили заключительное слово. Папа отвечал на вопросы и замечания. Что касается закона Генри, то это не противоречие, а уточнение, вывод не только не согласован с „общепринятой установкой“, а совсем опровергает ее. Относительно сложности формулы папа сказал, что закон создан природою, он его нашел, вывел формулу и доказал ее, и не его вина, что природа такова, какова она есть. Где-то одобрительно зашептали, сконфуженный профессор стал доказывать своему соседу возможность алгебраического упрощения формулы.

Приступили к голосованию. Принесли урну, запечатали, члены совета опустили туда заполненные бланки. Я не сомневался, что результаты голосования будут положительными. Но

после оживленных прений эта томительная процедура, окончившаяся тем, что урну унесли, оставила впечатление, будто с урной унесли и мой костюм.

Перешли к слушанию доклада тов. Ч-вой. Ее доклад сопровождался громадным количеством диаграмм, чертежей и схем. Нет надобности подробнее останавливаться на ее докладе. Скажу только, что бесконечное повторение слов: „бораты“, „дибораты“, „гидробораты“ и пр., бесконечная смена чертежей и диаграмм, скупой научный язык привели к тому, что у меня создалось впечатление, что все ее работы – первоклассно развитая терминология и ничего больше. И потому я стал опасаться, что совет „провалит“...

Доклад закончился, и начались прения. И первый же отзыв перевернул мое мнение по этому вопросу. Оппонент обращал особое внимание на точность работы, кропотливость медленных исследований, выдержку и терпение диссертанта, которая иногда в течение семи месяцев ждала результата своего опыта. Для составления одной из сорока диаграмм требовалось проделать десятки опытов, значит, всего их было проделано больше тысячи. И тут я понял, какое трудолюбие, какую огромную усидчивость надо иметь для исследовательской работы, и я жалел, что не обладаю правом голоса, чтобы голосовать „за“.

Унесли и вторую урну, все ждали результатов голосования. Наконец секретарь попросил тишины и стал читать резолюцию ученого совета Академии наук. Итоги голосования по защите диссертации профессора Пестова были следующие: шестнадцать голосов „за“, четыре „воздержалось“ и два „против“. „Поэтому совет Академии наук считает нужным присвоить профессору Пестову ученое звание доктора химических наук“, – читал секретарь.

Общие аплодисменты, и я уже чувствую на своих плечах шуриание нового костюма. Итоги голосования по защите диссертации тов. Ч-вой: двадцать два голоса „за“, „воздержавшихся“ – нет, „против“ – тоже нет... Последние слова были заглушены вторым взрывом аплодисментов. Толпа сотрудниц подносила героине дня цветы.

Председатель ученого совета Академии наук академик-орденоносец К-в ждал папе руку и говорил ему ту самую фразу, которая разбудила меня во сне: „А тему вы выбрали очень удачную“.

О последующем я помню уже очень смутно, у меня в голове были мысли совсем другого порядка. Результаты голосования еще раз поставили передо мной вопрос, что важнее: талант или усердие, гениальность или трудолюбие? Раньше я думал, что гениальным людям присущи особые, выдающиеся способности и природные дарования. Теперь я понял, что это не совсем так. Я вспомнил мнение Оствальда о том, что успехи гения обуславливаются прежде всего напряженным целеустремленным трудом в течение длительного времени. Я вспомнил Дарвина, одиннадцать лет работавшего над „Происхождением видов“; Маркса, сорок лет создававшего „Капитал“; Эдисона, толкнувшего XX век на путь века электричества; Ломоносова, на полтора столетия опередившего научную мысль, – и я согласился с мнением Оствальда, что гением может быть всякий при наличии даже средних способностей и дарований.

И тот день, когда передо мной со всей своей ясностью и серьезностью встал реальный вопрос о необходимости перестроить свою психологию, повернуть принцип работы от „схватывания на лету“ к усидчивости, – этот день я считаю самым памятным днем в моей жизни».

Студенчество

Чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.
(Рим. 12:2)

Когда Колюша кончил среднюю школу, то для него не был ясен вопрос о выборе дальнейшего пути. У него тогда не замечалось еще каких-либо определенных склонностей. Ни одна из отраслей науки и техники не была особенно близка его сердцу. В свое время, в старших классах средней школы, он интересовался астрономией и прочел по ней порядочное число книг. Но затем интерес к ней остыл. Будучи юношей, он охотно читал духовную и философскую литературу. В частности, большой интерес он проявлял к «четвертому измерению», читал о нем все, что удавалось достать. Поэтому он заговаривал с нами о философском факультете университета, но соглашался с тем, что при современной постановке преподавания он не найдет там того, что ищет.

По склонности пофилософствовать он иногда писал афоризмы в записные книжки своих товарищей. Вот один из них: «Мысль и мышление – это явление, при котором природа изучает и познает сама себя».

Он выбрал наконец специальность «автоматика и телемеханика» в Энергетическом институте. Это было близко к его склонностям в детстве. Но ни он, ни мы, его родители, не чувствовали, чтобы это было его призванием. В институт он был принят без экзамена как круглый отличник. Пробыв лето на даче с семьей, с начала осени он стал усердно заниматься в МЭИ.

Сохранилось одно из его неотправленных писем первого периода его занятий в МЭИ. Колюша пишет своей однокласснице Лиде Ч.:

«Я учусь с 1 сентября в Энергетическом институте. И очень доволен. Работы – по горло, и все одна математика. Кроме нее, марксизма-ленинизма и английского языка – ничего. Один раз в восемь дней дежурю в пожарной команде.

Очень плохо вот что: всякое отсутствие коллектива в институте; все живут в разных районах города, никого нет рядом. То ли дело было в школе, когда все жили в небольшом радиусе около школы. И потому жизнь сейчас кажется особенно скучной, когда нет так называемой личной жизни. Я ни с кем не встречался и не желаю...»

Следует заметить, однако, что в МЭИ Колюша занимался с увлечением только первое время. Было заметно, что не того искал он в жизни и что он не мог отдать своего сердца техническим наукам, как могли это делать другие.

Война помешала занятиям. В начале войны, когда мы не знали, где нам придется зимовать, Коле приходилось перетаскивать тюки с шубами, валенками и другими вещами в деревню, из деревни – на дачу под Москвой и затем опять в Москву. «Я теперь знаю, что такое война, – шутил Коля. – Это значит все время таскать вещи с одного места на другое». Но он никогда не горевал.

Коля в начале войны

Немцы быстро продвигались вглубь страны и приближались к Москве. Жизнь выходила из колеи. Началась сплошная эвакуация учреждений, заводов и вузов. МЭИ был вывезен в Среднюю Азию, а Колюша остался с семьей в Москве. Так как все учреждения эвакуировались, то в семье все остались без работы. Чтобы хоть что-нибудь заработать, всей семьей стали плести веревочные сумки – «авоськи». Но это давало мизерный заработок и право лишь на одну рабочую карточку для всей семьи. «Колюша, комендант нашего дома предлагает тебе быть в нашем доме истопником. Мы получили бы вторую рабочую карточку, и ты помог бы семье». И Колюша сразу и кротко послушался и, будучи уже студентом, стал выполнять грязную и утомительную работу. Следует заметить при этом, что работа истопником в то время была более изнурительна, чем обычно. Топлива было мало, и топили всем, что только можно было жечь. Долгое время Колюше приходилось жечь горы старой бумаги, которую сваливали в кочегарку эвакуированные из Москвы учреждения. Топка от бумаги очень быстро засорялась, а при шуровке из нее вылетали тучи пыли из бумажной золы и обуглившимся листочков. Поэтому Колюша возвращался всегда с работы крайне изнуренным, с черным от угольной пыли лицом и утомленными от бессонных ночей глазами. Но он никогда не роптал. В это тяжелое для семьи время Колюша помогал нам и тем, что ходил разгружать автомобили с картофелем у продовольственных магазинов: за это ему отпускали картофель вне очереди и в увеличенной норме.

При окончании средней школы Колюше суждено было пережить первое юношеское увлечение в отношении к одной из своих одноклассниц – Лиде Ч. Впрочем, оно было и последним; глубокая душа Колюши нелегко меняла свои привязанности. Это чувство нельзя назвать очень сильным, оно коснулось его души, но не захватило всей его натуры, как захватывает у некоторых. Вместе с тем оно было скорее односторонним и проявлялось более длительно и сильно со стороны Колюши. Зарождение чувства произошло на выпускном вечере средней школы. Затем тотчас же Колюша уехал к семье на дачу, за сто километров от Москвы. Наступила война, и Лида Ч. эвакуировалась с семьей из Москвы. После этого он виделся с нею лишь несколько раз непосредственно перед отправкой на фронт, а ранее изредка обменивался письмами.

В бумагах Колюши сохранилось одно из его неотправленных писем к этой девушке, которое вносит несколько ярких штрихов в рассказ о его самых глубоких чувствах и переживаниях. Это письмо было написано в те дни, когда судьба Москвы висела на волоске и никто не знал, что с ним будет в ближайшее время. Ниже приводится заключительная часть этого письма.

«16 октября 1941 г.

За ночь положение резко ухудшилось. Радио принесло нерадостные известия. Может быть, мы больше и не увидимся. Может быть, это письмо до тебя не дойдет, или же твой ответ не дойдет до меня. Если только ты не в Москве. И вот теперь я снова с тобой прощаюсь, – мало ли что может случиться? А если что-нибудь и случится – то это не будет иметь значения. Все равно в этом реальном мире, полном забот и скорбей, полном несчастий и страданий, – ты для меня уже не существуешь. Ты для меня существуешь только как мысленное представление твоего образа. Ты заняла в моей душе тот тихий и спокойный уголок, где дремлют всемой драгоценные мечты, святые заветы моих предков и надежда на счастливое будущее великого народа и всего человечества.

А что я для тебя? Этот вопрос во мне еле теплится, еще немного – ион совсем погаснет... Но тебя я не забуду. Я думаю, что это мое последнее письмо. Но ты все-таки напиши мне хоть два слова: так тяжело жить одному без друзей³.

Иногда, когда я думаю о тебе, о справедливости судьбы по отношению ко мне и о надеждах, которые должны сбыться, мне кажется, что мы встретимся тогда, когда эта буря пройдет, этот кошмар кончится и великий народ заживет спокойной, трудолюбивой жизнью своих предков. Тогда мое счастье будет полным.

До свидания, Лида. Прости. Коля».

В это время Коле было всего семнадцать лет, а в его душе – в самом заветном ее уголке – уже жили «святые заветы» его предков. А его разум был уже достаточно силен, чтобы понять, что он более любит не реальную девушку, а свою мечту – «мысленное представление образа». Да и самое человеческое понятие – «любовь» было ему уже достаточно ясно в своей сущности. Это видно из следующего афоризма, который был записан им в блокнот его товарища Бориса С. при окончании средней школы: «Любовь (страсть) есть такое отношение человека к любимому им предмету, когда наблюдаемые им положительные свойства заглушают для него все отрицательные».

Видя, как изнурительно влияет на Колюшу работа истопником, я нашел ему через месяц другое место – ученика электромонтера в научном институте. Здесь он проработал до весны 1942 года, когда возобновились занятия в Энергетическом институте. Весной и летом 1942 года Колюше пришлось много поработать на нашем первом огороде, который стал питать нашу семью в годы войны. Колюша работал очень усердно, копая целину и таская на гряды из леса перегнойную землю.

³ В оригинале далее зачеркнуты слова: «одинаково с тобою мыслящих».

На этих Колюшиных грядках было Божие благословение, и, хотя они были выкопаны на целине, мы получили с них осенью очень богатый урожай овощей. Старушка, жившая на даче, где трудился Колюша, рассказывала мне впоследствии: «Работает, работает Колюша, потом смотрю – бросит лопату и во всю прыть в лес побежит. Вернется, поработает немного – и опять бегом в лес. Заинтересовалась я, спрашиваю: „Что это ты все в лес бегаешь?“ „...„От комаров, бабушка! Нет терпенья, как кусают. А шагом от них не уйдешь, только убежать можно"».

Осенью этого же года Колюша вырыл нам (с помощью Сережи) подвал под полом нашей кухни для хранения овощей. При этом им пришлось перетаскать из-под пола несколько тонн земли. Подвал вышел на славу (как, впрочем, и все, что выходило из Колюшиных рук). Он имел площадь около четырех квадратных метров, глубину более роста человека. Весь пол был выложен кирпичом, стенки обложены досками, устроены солидная лестница, закрома для овощей, и проведено электричество. С тех пор мы могли делать на зиму запасы картофеля и овощей и производить засолку капусты и огурцов. Работая над подвалом, Колюша говорил: «Вот обеспечу семью, тогда могу пойти и на военную службу».

Когда пришла первая экзаменационная сессия в МЭИ, то Колюша получил «отлично» по математическим предметам. Но на экзамен по химии не пошел. У него не хватило энергии и желания усвоить этот предмет. Пойти же на экзамен с посредственными знаниями было не в его характере.

В первый год войны Энергетический институт еще не давал «брони» от призыва на военную службу для студентов первых трех курсов, а срок призыва Колюши приближался.

– Колюша, может быть, ты поступишь в «Станкин»? Там, говорят, дают «броню» от призыва, – как-то спросил я.

– Но это значит на всю жизнь посвятить себя военной специальности, – возразил он и отклонил мое предложение.

Так не хотел он оградить себя от опасности ценой сделки с совестью, он хотел отдаться в руки Промысла Божия.

Колюша всегда и ранее не пропускал праздничных церковных служб, но последние месяцы до призыва он стал ходить еще усерднее. Он несколько раз просил у нас разрешения прислуживать в церкви епископу, его тянуло самому принять непосредственное участие в богослужении.

В последнее время жизни в семье в Колюше особенно ярко определилась черта его характера – очень быстрая отзывчивость на все просьбы окружающих. Ценность и высота души человека постигается в мелочах жизни, в повседневном быту, в отношениях не с внешними людьми, где мы искусственно духовно прихорашиваем себя, а с теми, которые живут с нами и нас хорошо знают. Как часто мы бываем невнимательны к их просьбам, нетерпеливы, не умеем снисходить к их маленьким слабостям и желаниям. Колюша проявлял в этом отношении необычайную услужливость и быстроту в исполнении всяких просьб. Он помогал по хозяйству, чинил, устраивал, выполнял все просьбы бабушки и т. п.

«Колюша, помоги мне», – звал его кто-нибудь из семьи. И тотчас же, всегда веселый и жизнерадостный, Колюша вбегал в комнату со словами: «Вот я».

Незадолго до призыва Колюшу вызвали в военкомат и сказали ему, что его направят в артиллерийское *училище*. При этом его спросили, какой вид артиллерии он хочет выбрать – полевую или зенитную. Колюша ответил: «Полевую». Я был очень недоволен его ответом и спрашивал его, почему он сделал выбор более опасного вида войск: зенитную артиллерию часто располагают в тылу, тогда как полевую только на линии фронта. Для Колюши, я помню, были тяжелы и неприятны мои упреки. Он молчал в ответ на них и не объяснял мне мотивов своего выбора. Только теперь они стали мне вполне ясны: его совесть не позволяла ему уклониться от опасностей; ему казалось постыдным выбирать более безопасную службу. Он ждал избавления не от своей изворотливости, а от воли своего Творца. Впрочем, этот его выбор не

оказал никакого влияния на его судьбу. Когда его призвали, он был направлен курсантом в пулеметно-минометное училище.

Настал час разлуки. Колюша призван на военную службу и должен ехать в военное училище. Перед отъездом Колюша подумал о том, как должен быть распределен оставшийся после него на месяц хлебный паек, и дал нам указания – кому из нуждающихся отдавать его часть.

При прощании наша бабушка сказала ему: «Колюша, попомни обо мне, когда ты будешь архиереем». Эта просьба не удивила его. Он серьезно ответил ей: «Хорошо, бабушка».

Всей семьей мы пошли его провожать. Он простился с нами совершенно спокойно и легкими шагами ушел от нас за дверь комендантского помещения, охраняемую часовым... Так кончилась юность Колюши, кончилась беззаботная жизнь в отеческом доме. Начался период тяжелых испытаний.

В колхозе в начале военной службы

*«Кто хочет между вами быть большим,
да будет вам слугою».*
(Мф. 20:26)

Коля в Ярославле. Он пишет нам большие письма, пишет почти каждый день. Эти письма были для меня откровением. От нас Коля ушел восемнадцатилетним юношей, еще никогда не покидавшим семью, не жившим самостоятельной жизнью. Это был закрытый бутон еще не распустившегося для жизни цветка. Грубое прикосновение жизни сразу смяло этот бутон, и он раскрылся. Через письма мы увидели в Коле то, чего не знали ранее: выдержку и бодрость в испытаниях и невзгодах, собранность воли, цельность личности, верность своим принципам и внутреннему голосу, чуткость и отзывчивость к окружающим и исполнение на деле заповеди «быть всем слугою».

В письмах нашла отражение и его христианская философия жизни. Она удивляет своей глубиной, необычной для восемнадцатилетнего юноши. Ее ценность возрастала от того, что она не была отвлеченной, а родилась в практике жизни и не отделялась от нее в поступках Коли.

Благодаря обилию и подробности писем этот восьмимесячный период жизни Коли мы знаем, пожалуй, не хуже, чем время его совместной жизни с нами. Более того, Колюшины письма так полно вскрыли для нас его внутренний облик – его мысли, склонности и мирозерцание, – как это не могло бы иметь места, если бы он был с нами и не было длительной восьмимесячной разлуки.

Коля в вагоне и едет в Ярославль с товарищами. Грубость и распущенность царят среди последних. Коля мужественно встает на борьбу с этим. Вот что он пишет в первом письме:

«В Загорске заснули, в Александрове встали, начали ужинать. Почему-то на всех напало желание ругаться. Вижу, дело идет к анекдотам. Тогда я сказал: „У меня есть предложение“. Общий интерес: „Какое?“ – „За едой не ругаться“. Один сказал: во! другой – дело! третий – идет! четвертый выругался. „Я говорю серьезно, и ставлю на голосование. Почему вы считаете, что перед едой шапки – снимать, сигарки – гасить, а ругань – продолжать? Надо быть последовательными. Предложение приняли единогласно под давлением аргументов. Лишь один согласился от чистого сердца. Потом опять ругань. Мне довольно удачно пришлось разыграть рассерженного: „Или выполняйте договор, или расторгнем“. Большие ругани не было. У кого срывалась, заставлял извиняться перед всеми».

Этот мелкий эпизод является такой характерной иллюстрацией к тому, почему Христос назвал верующих в Него «солью земли», которая предохраняет окружающую обстановку от духовного разложения.

По приезде в Ярославль курсантов не сразу зачислили в военную школу. До этого их два раза посылали работать в колхозе, выкапывать картошку. Началась для Коли тяжелая жизнь. Вот как он пишет про это время:

«Здравствуйте, мои дорогие.

Вот уже десять дней, как я веду походный образ жизни. Сплю на полу, рюкзак под головой, ляжка обмотана вокруг руки. Встаю в 5 или 6 часов, умываюсь холодной водой из пруда, потом мерзну, пока не потеплеет. Последние два дня грелись у костра, варили картошку. Кормят нас неважно, но кто с головой, а кто, еще лучше, с компанией – не растеряется и поест за двоих. Мы попали в пулеметчики. Все говорят, что это лучше, чем в минометчики. С дисциплиной очень строго. Жив и здоров, чего и вам всем желаю. Коля».

В другом письме он так описывает обстановку жизни этого периода, когда было тяжело не только его телу, но и его чистой душе, не знавшей ранее душевной грязи.

«Ночью мерзли на сеновале. Ложились в д, но еще часа полтора ругались из-за мест... Стали рассказывать анекдоты... Я лежал, заткнув уши. Я тогда еще не умел засыпать среди шума и разговоров, а теперь засыпаю скорее не от появившейся привычки, а от вечного недосыпания. Лежали на боку, тесно прижавшись друг к другу, как штампованные детали на конвейере».

Но Коля не унывает и не бежит от трудностей. Он старается повлиять на товарищей – облагородить их быт и помочь, в чем можно. Он пишет:

«Мамочка, ты боялась, что я окажусь неинициативным, быстро попаду под влияние других. Вышло не так. Я вроде как бы „комиссар“ отделения. Фактический командир отделения – Покровский – командует строем. А бытом командую я. Я подаю за обедом пример, снимаю шапку – остальные делают то же. Когда ребята разболтаются до анекдотов, я напоминаю, что они за столом.

Часов ни у кого нет, я определяю время по солнцу и звездам. Когда представлялась возможность, ребята меня проверяли три раза. Я ошибался на 5-10 минут.

К моему образованию все относятся с уважением. С одним я, ради практики, разговариваю по-немецки, с другим – по-английски. Я даю ребятам научные советы: не пить на дорогу, разуваться на ночь, мыть лицо после похода – и меня слушаются. Когда один из нас заболел желудком, я велел отдать ему все белые сухари и сахар. В ход пошли и мои галеты...»

Живя тесно вместе с товарищами, Коля имел всегда силу не поддаваться общему настроению и не разделять, в частности, их склонностей к невоздержанию в еде. Так, он упоминает в письме про их общий стол следующую характерную для него подробность:

«Когда едим вместе, то они [курсанты] едят быстрее и успевают съесть больше. Но они едят лишнее, а я сколько надо».

В другом письме этого же периода Коля пишет:

Под этой фотографией в семейном альбоме подпись Зои Вениаминовны: «Тяжело Колюше было в Ярославском военном училище»

«Я уже писал, что назначен завхозом в нашей компании. Все, что мы имеем привезенного из дома, полученного здесь и купленного на рынке, я делю поровну и точно между нами шестерыми. Ребята уверяют меня, что они голодны, и требуют разрешения покупать на рынке большие хлеба. Я говорю, что, судя по себе, мы не голодаем и можем подождать до первого [октября], когда нас определят в училище. На первых порах будем получать по 45 рублей.

Думаю, мне этого хватит.

Обо мне не беспокойтесь.

Я себя чувствую очень уверенно, по дому не скучаю и сам себе в этом удивляюсь.

Стараюсь писать вам каждый день. Когда будете писать мне, напишите, каков доход от огорода и пр.

Привет всем, всем, всем от Коли».

Как бы далеки ни были по духу и мировоззрению окружавшие Колю люди, он не отворачивался от них, а служил им, чем только мог. Он не мечтал о каком-то высшем служении, а тщательно и с любовью выполнял то дело, которое послал ему Господь, каким бы мелким и незначительным оно ни казалось.

По своей натуре Коля был скромным юношей, но, как оказалось в практике жизни, когда было нужно, он черпал в себе силу быть смелым, настойчивым. Это видно из следующего Колиного письма брату:

«Поздравляю тебя с Ангелом и днем рожденья (эти дни у Сережи совпадают. – Н.П.) и желаю тебе всего хорошего. Дарю тебе свой микроскоп и подзорную трубу. Возись с ними сколько хочешь и изучай оптику на практике. Когда я вернусь, они будут мне не нужны. Ты просишь рассказать несколько смешных случаев. Их масса, ведь вся эта вольнка – сплошное недоразумение. Но я их не запоминаю, смех нашей компании пустой и грубый...»

Бывают и прискорбные случаи. Вчера в столовой я разливал суп по мискам. Ребята спорили из-за табака (своего). Один воронежский здорово ругался. Я крикнул: „Прекратит ругань!“ Меня не послушали. Тогда я дал воронежскому половником по лбу, все расхохотались, забыли про табак и принялись за еду.

Бывают и остроумные случаи. В колхозе мы таскали в мешках картошку. Ребятам пришлось очень много потрудиться, они спорили с лейтенантом, который требовал „темпов и скорости“. Тот наконец рассердился и сказал: „Прекратит разговоры! Вам, будущим командирам, надо быть выносливыми“. Я сказал из толпы: „При плохом питании выносливость ведет к истощению“. Он разозлился, но он меня не видел и крикнул: „Кто сказал?“ Я ответил: „Павлов“. Он опять не видел: „Кто Павлов?“ – „Русский академик“. Это было так неожиданно, что все рассмеялись и лейтенант тоже. Теперь ему уже нельзя было возвращаться к серьезному разговору. А такие пререкания с командиром редко проходят даром. Один москвич получил 5 суток ареста за „разговор“ с майором, другой – 2 наряда. Вообще у нас строго...»

Так Господь покрыл и избавил от неприятности Своего раба. Далее Коля пишет:

«Не удивляйся моей смелости. У нас без некоторого нахальства нельзя, и я его уже немного набрался: силой отнимал у других казенные котелки, которые те не хотели отдавать; отнимал в столовой у своего стола миски и хлеб, чтобы произвести правильную дележку; срывал с голов фуражки и кидал вниз (в вагоне, когда новоприбывшие пытались разместиться на полках, а мы отбивали атаку). Будь здоров, расти большой, не попади на мое место...»

Коля».

Где бы христианин ни находился, он везде может найти случай проявить свое человеколюбие. Находил такие случаи и Коля. Он пишет:

«Мама, помнишь, на вокзале одна мать провожала своего Васеньку, парня громадного роста? Этот Васенька порядочный лопух и чудак, ленив и неуклюж. Ребята над ним смеются, зовут его не иначе как „большой“. А я зову его Васей и вообще пытаюсь завести порядок звать друг друга по имени. Так что он всегда ищет у меня поддержки. Когда над ним смеются, я перевожусь разговор. Мы едим из котелков попарно, и он ест со мной. В вагоне тоже мы спали вместе – никто не хотел спать с таким „длинноногим“».

В том же письме Колюша пишет:

«У нас во взводе есть сержант – окончил два курса в Омском педагогическом институте по части истории. Я вчера перед сном с ним познакомился. Разговор начался с углического вечернего колокола, сосланного в Тобольск. Никто ему не верил, я один поддержал его.

...Мы лежа болтали о древней цивилизации Египта и Вавилона, о возникновении христианства, о Петре I, о Бисмарке, о том, есть ли прогресс, и о двух „библейских легендах“ – о всемирном потопе и о вавилонской башне...»

Сегодня читал ребятам и переводил „Страдания молодого Вертера“. Потом говорили вообще об иностранных языках... Здесь в здании на сцене стоит рояль. Я никак не могу до

него добраться. Совершенно нет свободного времени. А поиграть на рояле хочется ужасно... Кажется, всегда вел такую жизнь – спал на полу, ел из котелка, умывался водой из пруда».

В этом письме характерно для Коли его стремление духовно вырваться из окружавшей его среды и стремление приобщить окружающих к более высоким культурным интересам.

В одном из писем из колхоза Коля пишет:

«Наша компания все больше и чаще ссорится. Пятеро травят шестого, все время пытаются оставить его без ужина, так как на ужин мы из своих средств варим какао и картошку на костре, а он ничего не хочет давать (мы разгрузали баржу, и нам дали картошки). Я, как завхоз, продолжаю делить все поровну, тем самым настраивая ребят против себя. Зато я разрешил им оставить его без табачного пайка, который в мое ведение не входит».

Так старался Колюша водворить мир среди окружающих и проявить снисхождение к недостаткам товарища. Заслуживал ли этого последний, видно из следующего его письма:

«Теперь нас четверо, пятого выгнали из коммуны. Ребята подозревают, что он украл у меня несколько (10–15) оставшихся конфет и пачку махорки у П. Кроме того, он хвастун, эгоист и лентяй. Немного похож на... Мне его ужасно жалко, до чего же он не приспособлен к жизни. Он один пропадет».

Первые месяцы в военной школе

*Страданиями навьк послушанию.
(Евр. 5:8)*

Вернувшись из колхоза в школу, Коля писал нам:

«Мы уже 3 дня обедаем в столовой училища, уплетаем пиенку за обе щеки. Я всегда делю все. Кроме меня никто не умеет точно разделить на всех сидящих за столом несколько обкромсанных буханок с довесками и ведро супа или каши, или тарелку сахарного песку. Обычно от моей дележки все бывают в восторге от точности, особенно когда дело касается белого хлеба...»

Еще ребята довольны тем, что я не велю им есть, пока дележка не кончится, и потом, когда тарелки расхватывают, беру себе, что останется, хотя все части равны. Однажды одному пареньку вылили чашку кипятка в кашу за то, что он делил сам и себе положил больше всех. Теперь всегда делю я».

Вскоре по возвращении из колхоза началась казарменная суровая жизнь. Она мало оставляла свободного времени. Коля старается его использовать для писания писем.

«Письма пишу во время перерывов, пою строчек в перерыв. У ребят получается впечатление, что я пишу по 10 писем в день; грозят, что не будут давать ручку...»

Другим утешением для Коли являлось чтение (по-немецки) Гёте «Страдания молодого Вертера».

«В перерывы, – пишет Коля, – я вытаскиваю Гёте и читаю; ребята смеются – „как еврей с Библией“... От дождей и походов он размок, истрепался и развалился по листкам, но я его все-таки прочту еще несколько раз... А остальное время пропащее».

Однако не всегда оно пропадало у Коли даром, хотя он этого и не сознавал сам. Он продолжал работу над курсантами, вызывал их на «серьезные разговоры» – научные и другие, рассказывал ребятам «Сирано де Бержерака», декламируя на память все отрывки, какие знал.

В одном из своих писем Коля дает несколько подробностей из обстановки своего первого периода пребывания в ярославской школе.

«Теперь меня заметил и лейтенант. На уроках по оружию я его заменяю. Он использует это время (2 часа) в своих интересах, и теперь он ко мне расположен; спрашивал о моем образовании».

В общем состав у нас неважный: 80 % деревенских с 7–8 годами обучения. Это очень сильно сказывается в преподавании и в проведении свободного времени...»

Дочитал оставшиеся 30 страниц Гёте (буду читать его с начала)...»

В перерывах из классов всех выгоняют, так как почти все курят (махорку, от которой меня тошнит; покупают в бане за 150 руб. стакан); без курева ребята очень страдают; видя, как они выпрашивают друг у друга окурки, сознаю свое счастье».

Про свое отношение к курсантам Коля пишет:

«Вообще я держу ребят в своих руках. Двое определенно поддаются моему влиянию. Кажется, у меня сильная воля, только не для себя».

В одном из писем Коля пишет:

«Нас расформировали, московскую компанию разбили, чему я очень рад... Поговаривали, чтобы создать из москвичей комсомольско-молодежный взвод. Вы понимаете, кто бы туда попал (кто этого не заслуживает, и вообще я против уравниловки)...

В бане был такой инцидент. Командир приказал мне взять забытые другими вещи и найти их владельцев. Последних я не нашел, и вещи остались у меня. Я добросовестно искал владельцев, но моя совесть немного нечиста – я съел кусок сахара, который там был. Остальные вещи целы».

Говорят, что на Страшном суде нам простятся все прегрешения, за которые мы сами посрамили себя перед людьми. Так спешил Коля очистить свою совесть из-за съеденного куса сахара, рассказывая нам о своих проступках.

Коля отдавал себя другим, но ему не у кого было черпать силы для себя, не с кем было поговорить по душам. В душе затаилась тоска по дому и родным, хотя он и писал, ради нашего утешения, что «не скучает по прошлому». Но тут же он пишет, что начинает считать дни – сколько времени прошло из семимесячного пребывания в училище, и уже мечтает об отпуске, который дают курсантам по его окончании, и что он уже два раза видел себя во сне вернувшимся домой.

В первых числах октября Коля пишет о грядущих ему неприятностях:

«Лейтенант сказал, что желательнее, чтобы мы все подали заявления в комсомол. Так что вы это примите к сведению».

Последними словами Коля просил нас помочь ему молитвой. Эта опасность так беспокоит Колюшу, что он решается на все, лишь бы сохранить чистой свою совесть. В конце письма он пишет:

«Многие ребята недовольны нашей жизнью и хотят ехать добровольно на фронт. Я тоже поступлю так, если дело дойдет до комсомола. Прощайте и поминайте» (то есть молитесь обо мне).

Природная кротость характера значительно облегчала Коле его положение. Он пишет:

«Вообще у нас очень строго. Утром плохо заправишь матрац – наряд, встанешь в строй в грязных ботинках – наряд, начнешь пререкаться с командиром – 3 наряда. Как правило, это мытье полов ночью. Некоторые моют полы чуть ли не каждый день...

Я внеочередных [нарядов] еще не имел. Я объясняю это тем, что я довольно дисциплинирован, по сравнению с другими. Когда я совершу проступок (это бывает редко) и командир мне выговаривает, я молчу, и все проходит хорошо. А другие за свои пустяковые промахи получают наряды после препирательства с командиром. У нас все возмущаются „мелочностью“ и „придирчивостью“ командиров, я один нахожусь все в порядке вещей».

Если тяжело было душе Коли в военной среде, то не менее тяжело было и его телу. Питание было недостаточным при крайнем напряжении сил и постоянном недосыпании. Овощей в пище почти не было, обед состоял из неизменного супа «пшенки» и жидкой пшенной каши.

«Мы готовы съесть еще столько же – очень устаем, – пишет Коля. – Спать готовы везде и всюду, с 10-ти до 6-ти не выспишься, кроме того, чистка оружия часто идет вместо сна, так как в расписание она не входит.

Закаляемся круглые сутки. Занимаемся мы больше на воздухе, чем в классах, часто под дождем. Каждый день проделываем по 5-16 км похода (не считая того, что мы ходим строем в классы, в столовую, в казармы и т. д.). Это походы на полигон, на стадион и пр. Таскаем на себе пулеметы – станок или тело, оба по 32 кг. Я уже раз нес их 2 км».

В другом письме Коля пишет:

«Очень трудно тащить в поле оружие. Бываешь рад грязи и луже, так как можно переложить винтовку из левой руки в правую хоть на 10 секунд, дать отдохнуть затекшей руке».

Строчные занятия длились по восемь часов (с девяти до пяти) и сопровождалась лежанием часами в окопах и снегу или переползанием по мокрой земле. Казармы не топили, и обычно в них было +5°; между тем курсанты в гимнастерках – шинелей надевать не разрешалось. Спали под тонкими одеялами. В баню почти никогда не водили. Зимой два месяца водопровод был замерзшим, и в казармах не было воды. Негде было умываться, лишь изредка удавалось вымыть руки на кухне. От малейших царапин, вследствие грязи, на руках вскакивали нарывы. Все курсанты, в том числе и Коля, захворали фурункулезом, и развились кожные заболевания. Фурункулы у Колюши были и на руках, и на ногах. Он болел ими потом почти год – они прошли у него лишь к осени 1943 года.

Следует упомянуть, что многие из подробностей жизни в Ярославле мы узнали лишь впоследствии из рассказов Коли, когда он приехал в Москву. Он не писал о них в письмах, чтобы не расстраивать нас, и старался один мужественно сносить тяжести и невзгоды жизни, не перекаладывая их (духовно) на плечи близких, как мы часто это делаем в жизни.

В письме от 10 октября Коля описывает один эпизод из жизни на курсах первого периода:

«Вчера у нас был поход в колхоз за 18 км, за соломой для тюфяков и подушек. Туда или днем, назад вышли в 7 часов, а пришли в первом часу ночи. Шли с тюфяками в абсолютной темноте по непролазной грязи. Таких грязных людей, какими мы вернулись, я никогда не видал. У всех ботинки промокли, обмотки в комьях грязи, руки по локоть в глине, на коленках и бедрах грязь, тюфяки тоже вывалили в лужах. Мы и сегодня ходим все еще мокрые. Мне теперь кажется странно, как это я раньше ходил в темноте осторожно, обходил осторожно маленькие лужицы, а если шел домой мокрый, то знал, что мне есть что сменить. А тут я шел с чувством: все равно куда ступить, в лужу – так в лужу, падать – так падать, лишь бы в темноте не отстать от своих, – все спешили на ужин. Опоздание на 2 часа – и мы остались бы не евшими до утра. И мы в темноте бежали по лужам, падали в канавы, вязли в грязи, но успели на ужин. Дома я мог обсушиться, а здесь так: если утром промок на занятиях под дождем (а нам еще не дали шинелей), то будешь ходить мокрый весь день, и лишь за ночь рубашка и гимнастерка высохнут. А мои ботинки не высохали с тех пор, как их выдали... А портянки высыхают только ночью, мои ноги совсем разучились отличать мокрое от сухого...»

Занятия по строевой и физической подготовке – сплошное мученье. Бегаем по 2 км с оружием, лазим через заборы и т. д.

У нас все собираются подавать заявления в комсомол – все 25 человек; учитите это... Прощайте и выручайте». (Колюша всегда имел большую веру в молитву о нем семьи.)

В одном из писем этого периода Коля пишет:

«Позавчера я был в команде комендантского патруля. Стоя на посту по 4 часа, промерзал до мозга костей... Немного недоволен расписанием еды: в 9, в 5 и в 9 часов. В город нас не пускают, а мне ужасно хочется овощей...»

Папино письмо очень интересное, прочел уже четыре раза, ответ на него напишу отдельно и не скоро – маскировка требует прежде всего тщательной подготовки.

Не беспокойтесь, с комсомолом дело замялось».

С каким достоинством как христианин держался Коля среди курсантов и как действовало это его поведение на последних, характеризует следующий отрывок из его письма (от 13 октября).

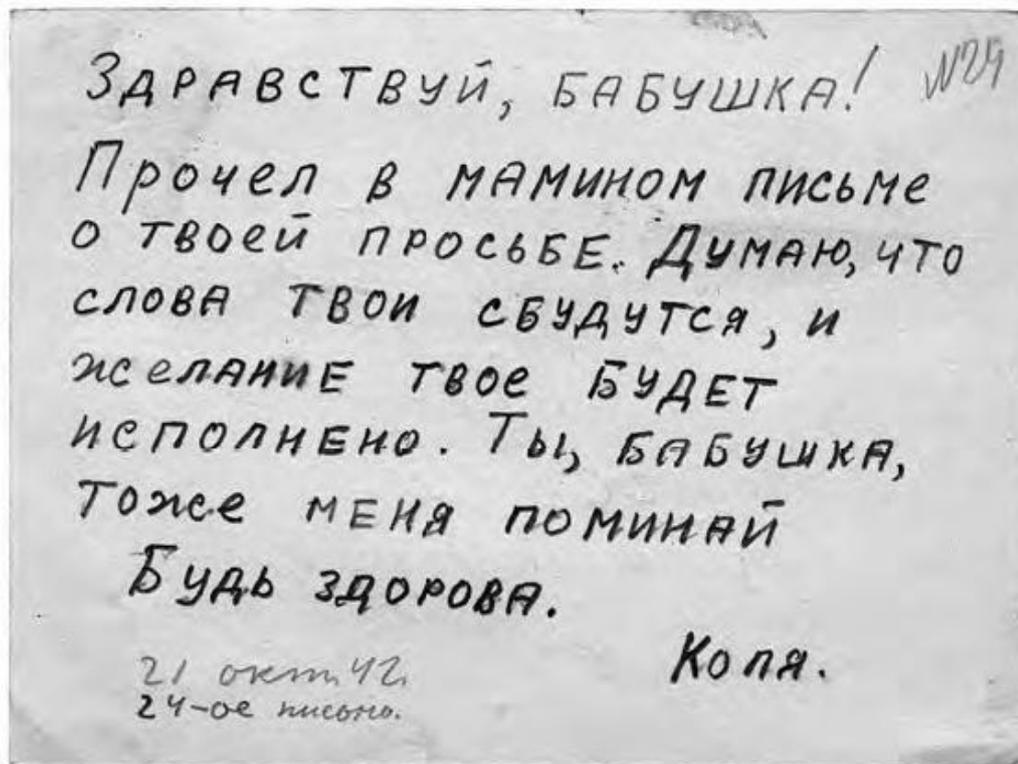
«У меня со всеми очень хорошие отношения. Иногда ребят куда-нибудь посылают, в город или за город, и они возвращаются с морковью, капустой, огурцами, купленными или даровыми. Все выпрашивают «кусочки» овощей у тех, кто принес их, иногда получают желе-

мое, но чаще всего нет. Я никогда ничего не прошу, даже не намекаю, ребята сами подходят ко мне и предлагают изрядные порции. Иногда, когда несколько ребят принесут моркови и каждый даст мне по 2–3 штуки, у меня оказывается больше моркови, чем у тех, кто ее доставал.

Иногда ребята обступят того, кто принес кочан, и он угощает товарищей маленькими ломтиками или листиками, и все галдят: „Мне отрежь“, „Меня не забудь, – тогда я слышу слова: „Хватит с вас, надо еще Николаю оставить“, – и мне остается чуть ли не полкочана. Когда он попадает в мои руки и я тоже начинаю делить его, слышатся такие голоса: „Ну чего вы обнаглели, ему самому ничего не оставите“. И некоторые настаивают на прекращении дележки: „Николай, не давай им больше, ты же себе не оставишь“.

Чем я вызвал такое хорошее к себе расположение, сам не понимаю. Может быть, крайне добросовестной дележкой хлеба и пищи в столовой. Я делю очень точно, и все бывают довольны. Меньшую порцию (если дележка бывает не совсем точная) я всегда беру себе. Раньше ребята видели в этом справедливость, а теперь протестуют, сами выбирают для меня большую порцию хлеба или мяса. Когда не удается положить в каждую тарелку по картошке (крупяной суп), я наливаю туда больше жижи. Потом жеребьевка. Один отворачивается, я беру тарелку и спрашиваю – чья? Он называет фамилию, я раздаю.

А что только делается за другими столами! Каждый держится за „свою“ тарелку и кричит: „Мне мало, мне подлей“. Довольно часто делильщик берет себе большую порцию, поднимается крик и шум...»

Читая описание этой сцены, можно добавить к ней седьмую заповедь блаженства: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

В одной открытке, посланной в это время нашей бабушке, Коля писал крупными печатными буквами:

«Здравствуй, бабушка!»

Прочел в мамином письме о твоей просьбе. Думаю, что слова твои сбудутся, и желание твое будет исполнено. Ты, бабушка, тоже меня поминай. Будь здорова. Коля».

Можно думать, что прощальные слова бабушки запали ему глубоко в сердце.

В конце октября Коля написал мне большое письмо философского характера, которое удивило и обрадовало меня. Оно указало на то, что Бог не является для Коли отвлеченным понятием, как для многих из христиан, и что Коля чувствует проявление Божией воли во всех мелочах его жизни, чувствует Его наказания, обличения и вразумления. Коля научился понимать их и видеть в них постоянное милостивое внимание к себе Бога.

В этих письмах подчеркивается и характерная особенность Коли – боязнь по своей инициативе нарушить Божию волю и полная, спокойная покорность этой воле. И здесь не имели места безволие, инертность или безразличие – при живом темпераменте Коля никогда не страдал этим. Нет, здесь была сознательная, продуманная система поведения, свойственная в жизни духовно зрелым людям и основанная на принципе «Господи, Сам твори надо мною Свою волю, я не хочу мешать Тебе своим своеволием».

«Дорогой Папочка.

Давно собирался ответить на твое письмо, часто обдумывая, о чем буду писать. Ты, очевидно, неправильно понял мое отношение к комсомолу и фронту. Я только собирался сопротивляться до конца, но и не думал сам заикаться о фронте.

Я именно так и сделаю, как ты советуешь, во всем отдаваясь воле Бога, никогда не проявляя инициативы, где это касается моей судьбы. Когда спрашивают, кто кончил 10 классов, я молчу, а вопрос о высшем образовании ставится редко.

Поэтому я до сего времени и был середняком. Только недавно командир взвода, лейтенант, „заметил“...я, когда я его замещал на занятиях по пулемету. Потом мне предложили стать командиром отделения, заменить одного семиклассника, который совсем плохо владеет языком. Я отказывался, хотя меня и убеждали, просили и напоминали, что командир отделения не имеет закрепленного оружия, которое надо чистить и таскать на себе во время походов, не ходит в очередной наряд и имеет много других льгот. Я так и остался рядовым курсантом...

Сегодня на политзанятиях преподаватель сказал, что ему нужен помощник, который будет опрашивать всех и выставлять отметки, он просил выставить кандидатуры. Все в один голос закричали: „Пестова“. Я думаю что они рассчитывали на мою образованность, честность, проверенную в столовой, и доброжелательность ко всем...

Все недовольны своими отделенными командирами, поэтому ребята так и схватились за возможность самим выбрать себе начальника. Впрочем, ребята говорят, что из меня выйдет хороший командир, с сильной волей, приводят как пример мои действия за столом и прочее. Теперь совсем о другом.

Как-то ты мне сказал, что надо уметь в каждом жизненном случае, в каждой мелочи, в каждой так называемой „случайности“ видеть указание Бога и что ты теперь этим руководишься в жизни и во всех вопросах.

Сперва я очень удивился и подумал, что я додумался до этого раньше тебя – 4–5 лет назад, но потом понял, что „додумался“ только частично, только до второго случая.

Первый случай – он предшествует всякому делу – указывает нам, как поступать, даже если совесть спокойна относительно любого выбора. Я еще не научился узнавать в этом случае волю Бога; очевидно, надо „подумать о Боге“...отказаться от всякой инициативы. Я это делаю не всегда, иногда стараюсь сам догадаться, как будет лучше; но частое применение этого правила ведет всегда к тому, что мне часто „явно везет“.

Второй случай – после всякого дела – показывает нам, правильно ли мы поступили. Свои неправильные поступки, то есть грехи, я распознаю по двум положениям: 1) наказание следует немедленно и 2) в этой же области, в этом же вопросе. Впервые такая мысль пришла мне в голову, когда я получил „посредственно“ на экзамене по литературе в 8-м классе. Тогда я был в совершенном недоумении, не понимал воли Божией, так как все данные были за то, чтобы получить „отлично“. А потом я вспомнил, что учебник по литературе был у меня не свой, а найденный, и, узнав перед самым испытанием, чей он, я его не отдал владельцу. С тех пор я стараюсь в каждой неудаче видеть указание на неправильно совершенный поступок.

Так и теперь. Будучи в колхозе, я обнаружил, что потерял ложку. Я вспомнил, что вынимал ее в последний раз в поле, когда незаконно съел одну ложку из ведра, которое нес с кухни своим ребятам. На том месте она и осталась. Я вернулся туда, но ложки не нашел. Я удивился, что не мог найти ложки – я ведь понял свой проступок и раскаялся. Вернувшись в деревню, я решил себе купить деревянную ложку или выменять ее. В первом же доме я получил ее за 10 конвертов. И я все понял и увидел в этом величайшую мудрость: 1) она досталась мне совсем даром и 2) теперь всякий раз, когда я сажусь за стол и делю суп, она напоминает мне о моем проступке; если бы я нашел свою старую ложку, я бы забыл об этом.

Но все же я недавно немного нечестно поделил хлеб, и в тот же день у меня стащили перочинный нож, которым я резал хлеб. Иногда мне приходят в голову мысли о суровости и даже жестокости наказания (ножик из-за 50 грамм), но я все же думаю: ни шагу назад от тех принципов [то есть заповедей Божьих], на которых я воспитан, и я во всем вижу справедливость.

А когда я задаюсь вопросом – как же живут другие (почему они не растеряли своих ложек и ножей), то отвечаю: во-первых, „с них меньше взъщется“ (Лк. 12:48), а во-вторых, и им постоянно даются такие же указания. Пример с моим соседом за столом. У него была своя ложка, железная; он решил, что неплохо бы иметь в запас и для продажи потерявшим свои ложки несколько ложек еще, и стащил в колхозе у хозяйки три деревянные ложки. И я в течение недели наблюдал, как у него не осталось ни одной. Свою стальную он выронил в уборной и не смог ее достать, одну деревянную он забыл в столовой, вторую украли, третью он сломал, вытирая ее краем клеенки. Ночью он стащил ложку в соседней роте – на другой день он и ее потерял. Один паренек из нашей роты дал ему свою запасную, и из нее он ест и до сих пор. Случай поразительный.

Я ему говорил: „Знаешь пословицу: ворованное добро в кармане не держится“. Он махнул рукой. Разве ему понять. Меня эта жизнь очень многому учит, я только жалею, что у меня не хватает времени, чтобы читать.

Папочка, ты был прав, когда говорил, что я не смогу выполнять утреннего и вечернего [молитвенного] правила. Так оно и оказалось. Мы встаем по команде, еле успевая одеться, вечером моментально засыпаем от усталости. Но я очень часто вспоминаю, и тогда делаю это, стоя на посту, шагая в строю, сидя в столовой в ожидании обеда. Я стал чаще вспоминать об этих правилах, поскольку надо мной часто нависают всякие опасности, мне часто грозят неприятности. И все всегда кончается очень хорошо, даже угодно для меня.

Мне во всем „везет“. Я еще ни разу не мыл полов, так как командир отделения „свой“, вместе были на Всевобуче, мне достаются легкие обязанности, легкие посты, во время трудных занятий по физкультуре я всегда бываю или занят в ленкомнате, или на дежурстве и пр., и пр.

Папочка, помни, что сын твой останется верен своим убеждениям и своим родителям. Еще я очень часто вспоминаю, что мне во всем „везет“ благодаря тому, что вы обо мне молитесь...

Пишу ночью на дежурстве, завтра будут тактические занятия за городом – пришлось бы таскать на себе оружие и пулемет (по очереди), рыть окопы и лежать на морозе в 6 часов утра, но мне „повезло“: я буду спать.

До свидания, Папочка.

Твой сыночек Колюша». (Письмо № 29 от 29 октября 1942 года)

В письме одному из друзей нашей семьи Колюша пишет примерно в то же время:

«Постоянное желание улучшить свободную минутку научило меня ценить время. Я часто думаю о том, сколько времени я раньше тратил даром, как хорошо можно было бы его использовать: прочесть хорошую книгу, сделать полезное дело, помочь бабушке в работе и др. Еще больше научился я ценить положительные знания. Мы здесь изучаем оружие, химическое дело, инженерное, баллистику. Когда кончится война, эти знания окажутся ненужными.

А разве я раньше мало уделял времени другим ненужным человеку наукам? Я изучал механику, а куда я ее сейчас применяю? Если бы я полтора года назад увидел себя объясняющим курсантам убойную силу пули, я не пошел бы в Энергетический институт, я пошел бы в медицинский. И я это сделаю, когда вернусь из армии, если только к тому времени не найду более гуманного поприща для служения человечеству.

Когда Вы читали нам свои записки, я очень много над ними думал. Для меня было не совсем ясно, как это так: „жизнь воспитывает людей“. Теперь я это понял, когда попал в совсем другие условия, стал вести самостоятельную жизнь. Я стал очень внимательно присматриваться к каждой случайности в жизни, стал рассматривать их как указание Бога. Если мне в чем-либо „повезло“, я вижу в этом награду Бога; если случается несчастье, я начинаю искать проступок, за который должен быть наказан; я ищу его в той же области, и если нахожу его и каюсь, все кончается хорошо.

Для меня нет случайностей, все что-нибудь да значит. Всякую „случайность“ по людским понятиям надо рассматривать, как непонятый жест Судьбы⁴. Если я теряю карандаш, то вспоминаю, что только что без всякой причины отказался дать его на время товарищу. И карандаш находится. Если же я найду чужой карандаш и не постараюсь найти его владельца, я должен быть готов к тому, что потеряю и чужой карандаш, и свой. Если сказать об этом кому-нибудь – не назовут ли меня сумасшедшим? А ведь я всю свою жизнь стал рассматривать по мелочам. И как я благодарен Судьбе, что попал в такие условия, которые учат меня жить; и я готов пробыть здесь столько, сколько надо, чтобы после войны, научившись жизненной мудрости, жить правильно.

Вашу тетрадь, дорогой Н.А., храню чистой. В ней я со временем заведу дневник или буду делать выписки из хороших, нужных книг. Большое Вам за нее спасибо».

У Коли был мелкий почерк. Но это письмо было написано очень крупным и разборчивым почерком, так как писалось старому человеку со слабыми глазами. Нашей бабушке, плохо разбиравшей письма, он писал их крупными печатными буквами. Так Колюша учитывал всегда особенности своего адресата и старался никому не причинить затруднений.

⁴ Когда Колюша писал слово «Судьба» с большой буквы, он подразумевал под этим словом Бога.

В другом письме этого же периода Коля так пишет Лиде Ч.:

«Я очень одобряю твой уход из Института химического машиностроения. Химия больше всех [наук] заботится о том, чтобы сделать жизнь человека неестественной: в природе не существует ни ОБ [отравляющих веществ], ни ВВ [взрывчатых веществ] – их создает химия (за редкими исключениями). Твоя новая специальность очень близка к медицине, а сейчас это единственная наука, которая лечит людей, в то время как остальные калечат, работая на войну».

Эти письма Коли следует дополнить другим его большим письмом также философского характера, написанным несколько позднее, 20 декабря 1942 года.

«Здравствуй, дорогой Папочка.

С Новым годом.

Большое спасибо тебе за твои частые письма, они меня очень сильно укрепляют. Твои постоянные напоминания о моем письме от 29 октября заставляют меня сейчас, накануне Нового года, снова поделиться с тобой своим опытом, накопленным за два с половиной месяца пребывания в училище, и своими новыми взглядами. Только мне не хочется, чтобы это письмо читали все (кроме Николая Семеновича – ему надо знать все о своем крестнике).

Сначала я хочу рассказать о своем отношении к наукам, к обществу, к своему будущему, изменившемуся от постоянного занятия делом, к которому не лежит душа. Когда-то я спорил с тобой о том, что „мы“ должны активнее вести себя, „бороться“...е замыкаться в своем кругу ит. д. А теперь я строгий индивидуалист; может быть, потому, что не имею здесь себе равных и мне не с кем поделиться своими мыслями. Те науки, которые мы здесь изучаем, изменили мое отношение ко всем наукам. Я теперь признаю одну медицину; я жалею о том, что учился в МЭИ, а не в медицинском; туда я пойду после войны.

Раньше я часто мечтал о своей карьере то инженера, то философа, а чаще всего – дипломата (это свойственно всем в моем возрасте). А теперь, когда возможности для карьеры самые широкие, я мечтаю иногда о роли сельского учителя или простого доктора,

иногда о спокойной жизни огородника или еще о чем-нибудь подобном. Когда я думаю, куда же поведут меня дальнейшие события, накапливающийся жизненный опыт, – не к желанию ли пойти по Дивеевскому пути?⁵ – я говорю [Богу], что я готов пробыть в этих стенах, а потом и в запасном полку столько времени, и даже, если надо, попасть на фронт, на передовые позиции, словом, носить военную форму до тех пор, пока мои взгляды не сформируются окончательно и я не решусь пойти по единственно правильному, последнему пути...

Хочу написать о моем отношении к еде. Вы, наверное, удивлены тем, что я пишу, что нас то хорошо кормят, то плохо. Сейчас я думаю, что хорошо. Сначала, когда мы только что приехали, нас кормили хорошо.

Потом дело пошло, как мне казалось, хуже. Однажды я вспомнил, что раньше писал вам, что „у ребят от хорошего питания развивается жадность“; я сообразил, что и со мной случилось то же, что еще немного, и я буду так же постоянно думать и говорить о еде, как Н. в прошлом году. Я стал убеждать себя, что нас кормят хорошо, в этом мне помогли несколько уроков, данные мне Богом.

Я уже писал вам, что потерял ножик после нечестной дележки хлеба, а затем нашел его, когда понял этот случай. Аналогично, когда я хоть немного недобросовестно разделю хлеб, мне достанется нецелая селедка или тарелка с жидким супом. А недавно я снова потерял первый ножик, затем сломалось короткое лезвие у другого – я все это принял к сведению.

Раз в 2 недели, а то и ею дней рота идет в наряд – кто на кухню, кто за дровами, кто в караул или в патруль, кто посыльными штабов. Тогда рота кушает не вся сразу, а кто когда придет, и все едят по-разному. А кое-кто благодаря тому, что на кухне работают свои же ребята, поедят за троих. И вот я однажды, придя с поста, старался поесть получше; и все равно попал на тот стол, куда принесли совсем водянистые щи. Я злился на себя, не хотел понять воли Бога, ушел в караул голодным. Через час ребята с кухни принесли в караульное помещение кастрюли с кашей для „своих“. А я стоял на посту у дверей, видел, как все обедались, а сам не мог сойти с поста. Разозлился еще больше, разгоралась жадность. За ужином я опять пытался поесть получше, долго торчал в столовой, но остался ни с чем, а в карауле мне попало от лейтенанта за отсутствие. Тут я смирился и старался перестать думать о еде, хотя был голоден после плохой еды и стояния на морозе на посту. И вот, когда я совсем примирился со своей судьбой, пришли ребята и пригласили меня в столовую пообедать второй раз. Я, конечно, согласился и благодарил Бога за такой урок.

В другой раз я опять пытался поесть добавочно, а потом вспомнил о предыдущем уроке, махнул рукой и пошел на почту отправлять [вам] золотую бумагу [для елочных игрушек]. Одна тетка, после того как я написал ей адрес на посылке, дала мне сухарей. Я увидел в этом жест Судьбы, так же, как и тогда, когда стоял на посту в пропускной будке, вызывая курсантов к приехавшим родителям, а те угощали меня кое-чем.

Много подобных уроков давал мне Бог, и я все больше и больше приходил к такому выводу: „Не надо слишком заботиться о еде, и [следует] довольствоваться своим законным пайком; а тем более гореть желанием поесть, когда не заслужил этого работой“.

Когда я был патрулем, я мог беспрепятственно ходить по городу. Товарищи приглашали меня после смены пойти на Московский вокзал, а там, притворившись проезжающим красноармейцем, пообедать бесплатно в столовой. Они уже несколько раз делали так беспрепятственно и удачно. Тем не менее я не согласился. Они пошли на вокзал, я в казарму. В этот день мне подали в столовой полную тарелку супа, а когда я грелся в „Гастрономе“, продащица угостила меня ломтем хлеба грамм в 300. Вот такие и аналогичные факты воспитывают меня. Я теперь твердо решил довольствоваться своим пайком и не желать большего, а тем

⁵ Дивеево – монастырь, основанный преподобным Серафимом.

более честно делить все за столом. Об этом мне напоминают ножик со сломанным лезвием и ложка, – я когда-то потерял точно такую же.

Я был очень рад съестному в первой посылке, но уже был огорчен баранками в последней; я теперь думаю, что питаюсь много лучше вас.

Другой случай: будучи дежурным по конюшне, я довольно легкомысленно относился к своим обязанностям, редко заходил в конюшню, осматривал город целый день. Внешне все было в порядке, и я сдал дежурство. А через пять дней меня вызвали и сказали мне, что во время моего дежурства пропали седло, сбруя и сумки. Мне пригрозили трибуналом, дали сутки на розыски. Я был совсем подавлен событием. Я сознавал, за что так случилось, и принял меры в смысле раскаяния. Само собой выяснилось, что после моей смены на конюшне произошла кража, а чтобы свалить вину на меня, в книге сдачи и приема дежурства после слов „дежурство сдал Пестов“, „дежурство принял такой-то“ приписали: не хватает того-то. Когда меня повторно вызвали в штаб батальона, я там держался стойко и бодро, отрицал кражу во время моей смены. Теперь кажется, все дело кончилось для меня благополучно.

Вот так, диалектически рассматривая все-все случаи, даже мельчайшие детали, я формирую свое мировоззрение. Куда это ведет меня – не знаю. Я записался в библиотеку – и не знаю, что читать. К светской литературе не лежит душа, научную умышленно отталкиваю, военную изучаю лишь по мере надобности.

Я все больше и больше замыкаюсь в самом себе, становлюсь неразговорчивым и нелюдимым, но отнюдь не падаю духом. Я бодро ожидаю того дня, когда надену гражданское платье и смогу пойти по выбранному мною пути. Пока что я его не выбрал, и потому я должен ждать, и не должен желать скорейшего окончания мною военной службы. Должен чаще говорить – да будет воля Твоя. И по отношению к своим начальникам веду себя так же – пусть они сами за меня решают мою судьбу. Если надо, я готов и быть отчисленным, и быть выпущенным лейтенантом – все должно быть к лучшему. А если, как нам кажется, дело идет к худшему, то мы просто не понимаем смысла события. Простую, примитивную, часто легкомысленно истолковывавшуюся поговорку „Нет худа без добра“ я рассматриваю как выражение величайшей Мудрости. Когда-то Гегель сказал: „Все существующее – разумно“. Не знаю, что он хотел сказать этим, но я бы сказал: „Все случающееся есть указание Бога на наши ошибки и достижения, и потому все разумно“. И все существующее существует с целью дать людям возможность изучить Бога, изучить его волю и научиться правильно жить. На этом я сегодня и кончу.

Еще раз – с Новым годом! Коля».

В условиях необычайного напряжения и изнурения для тела, в обстановке полного одиночества для духа и аморальности среды – грубости и эгоизма, Коля находит в себе силу, чтобы говорить: «все это нужно для меня»; «все в мире целесообразно»; «я готов ждать, готов идти, если это нужно, и на фронт – пока не созреет мой дух для новой жизни».

Немного надо было времени, и Коля осознал, что наука не может быть самоцелью, понял ее суетность, и в его глазах рассеялись красивые миражи, в которые верит громадное большинство человечества. Поняв сердцем, что Бог есть действительно наш Отец и не стоит в нашей жизни где-то вдали от нас, он сразу находит закономерности Его отношения к нам. Он пишет: «Наказание следует немедленно – в той области, в которой мы согрешили» – и приводит ряд примеров из своего опыта и наблюдений жизни окружающих. Понять сердцем этот закон удавалось лишь немногим христианам. И лишь духовно зрелым бывает под силу отказываться в своих делах от человеческой предприимчивости, от суетливости в заботах о себе, от своей инициативы и всецело вверять свою судьбу и свои дела – большие и малые – Промыслу Самого Бога.

Поняв эту истину, Коля начинает смело проводить ее в жизнь. Он пишет: *«Когда спрашивают, кто кончил 10 классов, я молчу... Если решение обо мне придет от Бога, то спросят: „Кто учился в высшей школе?“».*

Коля до глубины сердца понял преимущество и мудрость христианского смирения и заповеди – самому занимать лишь последнее место. И Господь на деле показал ему, какое это дает преимущество (случай, когда Коля не просил у курсантов овощей, но получал их более всех). Пусть христианин держится как можно скромнее, Господь Сам ставит свою «свечу на подсвечнике», чтобы «светила всем в доме» (Мф. 5:15).

25 октября Коля принял военную присягу на верность Родине. Этот день он отметил в своем календарике-дневнике как один из самых знаменательных дней своей жизни. Впоследствии, в Москве, Колюша рассказал нам, что принятие присяги произвело на него очень сильное впечатление. Слова присяги были для него не только словами – это были обеты его души перед лицом Бога, Родины, совести и всего, что было для него святого.

Какой авторитет и уважение приобрел Коля среди товарищей, видно и из следующего письма:

«Сегодня у нас произошел очень печальный случай. В целях осушки во дворе казармы мы рыли канаву (меня сняли с этой работы и послали в помощь редакции стенгазеты, я описываю все со слов очевидцев). Один паренек (спит против меня на нарах) выкопал металлический футлярчик, очевидно, минный запал, и решил сделать из него зажигалку – „Катюшу стал ножом выковыривать толзул. Ему говорили: „Брось“, – предупреждали его. Он не слушался и, к своему счастью, успел выковырять почти весь толзул, когда запал взорвался у него в руке – он дошел до капсуля. Ему оторвало по два пальца на руках, сорвало кожу с других пальцев, местах в десяти поранило лицо, глаза чудом остались невредимы. Пусть Сережа сделает отсюда вывод. В окрестностях Москвы много такой дряни, ребята завозят ее и в Москву.»

В связи с этим происшествием появилась необходимость выбрать товарищеский суд. Выбрали пятерых, в том числе и меня. Из 69-ти человек против меня голосовали только 4 человека, против других – 10–15. Я теперь убедился в том, какое доверие ко мне со стороны курсантов. Меня знает вся рота, все ко мне обращаются с просьбами объяснить непонятное, дать листочек бумаги, карандаш на время, ручку и чернила».

В юности часто не умеют понимать значение семьи, не ценят заботливость родителей, их нежность и ласку. Не понимается значение любви – как самого могучего фактора жизни, как света души, того, на чем единственно держится жизнь и чем скрашивается вся ее горечь и тяжесть. Если достаточно глубокого понимания этого ранее не было у Колюши, то теперь оно появилось в полной силе. Вот письмо (от 9 ноября 1942 года), которое Коля пишет сестре, – идущее у него от самого сердца.

«Моя милая, дорогая сестра.»

Я вчера прочел твое искреннее, простое письмо; оно так пришло мне по сердцу, что я прочел его несколько раз без малейшего желания раскритиковать его или придраться к чему-либо. Твои переживания мне были так близки и понятны, так сходны с моими собственными, что и у меня на глаза навернулись слезы.

Бывают такие минуты, когда хочется почувствовать себя в другом мире, вспомнить свою семью, убедиться в том, что где-то с нетерпением ждут твоих писем, беспокоятся о тебе, переживают вместе с тобой все твои невзгоды. Тогда я достаю пачку писем и перечитываю их все, от первого, от 25 сентября, до сегодняшнего. И в простых словах, которые обычно представляют для меня семейную хронику, я чувствую вашу любовь, вашу заботливость, ваши молитвы, я чувствую, что я для кого-то дорог, меня с нетерпением ждут. Тогда мне ужасно хочется попасть в Москву, но это невозможно. Я сажусь и пишу письмо, иногда два, а то и три. Я вижу мою семейку, сидящую вокруг стола (почему-то при свете керосино-

вой лампы): маму, распечатывающую фиолетовый конвертик или белый треугольник; папу с задумчивым и печальным лицом, облокотившегося на стол; тебя, моя сестричка, мой Тяпик, стоящую коленками на стуле; Сережу, бросившего рисовать миниатюрные танки и слушающего письмо; бабушку, прислонившуюся к двери и стоящую в темноте; я сам нахожусь где-то рядом и слышу ваши голоса. Это похоже на сон, да и во сне я часто вижу то же.

Когда я вспоминаю свою семью, нашу квартиру и прежнюю жизнь, я жалею о потерянном времени и лишнем знании, которые придется позабыть.

Когда я вернусь домой, я буду совсем другим – дельным, серьезным, очень, очень ценящим любовь и заботливость своей матери и своей сестры.

До свидания. Коля».

В первых числах ноября Коля писал нам:

«Здравствуйте, мои дорогие! Поздравляю вас с наступлением зимы.

Вчера мы, как и всегда, через 3 минуты после „подъема“ в одних рубашках были на дворе. За ночь сильно похолодало, был мороз градусов 5. Мы 15 минут занимались физ. зарядкой, потом, как сумасшедшие, помчались в помещение. Через полчаса мы уже были одеты и с винтовками пошли на строевые занятия. Мы все время были в движении, бежали, терли руки, и кроме рук ничего не мерзло, но руки мерзли ужасно, главным образом от холодного прикосновения ложа винтовки и стального затыльника приклада. И как я ни старался натянуть рукав шинели на пальцы, я их сильно поморозил, и у меня до самой ночи сильно ломило в суставах при движении пальцев.

Утром было 2 часа занятий в поле, остальные в классе, кроме двух последних – тактики. Но тут уже лейтенант сжалился над нами, да и сам замерз, лежа в окопе, и отпустил нас на час раньше; то-то все были рады. Говорят, нам скоро дадут шапки-ушанки и вернут носки и варежки. Ночью я распорол подушину и тюфяк и вытащил шарф, носки и варежки-„лисички“⁶ – все, что осталось после реквизиции⁷. Сегодня утром я надел носки под портянки; хорошо, что ботинки я взял на номер больше, теперь они мне будут как раз. Руки сегодня не мерзли совсем – большое-пребольшое спасибо мамочке за „лисички“».

В середине ноября Коля получил извещение, что один из его товарищей – Борис С. был ранен и у него отнята левая рука. Это известие очень огорчило Колю, он сильно переживал несчастье своего товарища. Он пишет своему двоюродному брату:

«Никак не могу забыть об этом, очень сильно переживаю – это первый случай среди наших знакомых. Каждое воспоминание о Борисе повергает меня в печаль. Я даже не могу посылать ему писем: что я могу ему написать? Так его жаль, я страдаю за его судьбу. В цвете лет – и без руки. Какой ужас. Пойдешь к С. – передай мое соболезнование».

⁶ Перчатки на лисьем меху, сшитые мамой.

⁷ У курсантов отбирали теплые вещи, присылаемые из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.